

Татьяна Старикова

Рассчитать жизнь

18+

Граница тишины

Татьяна Старикова
Рассчитать Жизнь

«Автор»

2025

Старикова Т. С.

Рассчитать Жизнь / Т. С. Старикова — «Автор»,
2025 — (Граница тишины)

ЕЁ ОРУЖИЕ — СКАЛЬПЕЛЬ. ЕЁ ВРАГ — СМЕРТЬ. ЕГО ОРУЖИЕ — ВИНТОВКА. ЕГО РАБОТА — СМЕРТЬ. Приграничье. В госпиталь «Цитадель» прибывает капитан Тори Тор — виртуоз микрохирургии, для которой спасение одной жизни оправдывает всё. Её главным испытанием становится не осколок, а человек. Молчаливый снайпер со взглядом чёрной ночи. В его мире живые — мишени, судьба — неизвестная в формуле, а тело — вышедший из строя механизм. Он бросает ей «сестричка», стирая годы учёбы. Она считает его бездушным. Но в тишине оперблока открывается правда: они — коллеги. Один рассекает пространство. Другая — живую ткань. Это история о двух противоположностях над бездной. О родстве между тем, кто возвращает, и тем, кто забирает. «Рассчитать жизнь» — первая книга серии «Граница тишины». Вместе с романами «Точка на карте», «Граница тишины» и финальной частью она складывается в историю, где каждая точка на карте становится судьбой. Эта книга — только начало. Дорога у них одна, но успеют ли они пройти её до конца?

© Старикова Т. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 Капитан Тор	5
Глава 2 Линия разреза	24
Глава 3 "15:45"	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Старикова

Рассчитать Жизнь

Глава 1 Капитан Тор

- Капитан Тор, добро пожаловать в «Цитадель». Ваша операционная — третья. Там потише.

Майор Коваль, начальник медицинской службы «Цитадели», даже не поднял на неё глаз... Из открытого окна его кабинета тянуло пылью выгоревшей степи и далёким, привычным уже гулом Приграничья, застывшего в пятилетней позиционной войне.

— Я направлена для работы со сложными ортопедическими травмами и повреждениями периферических нервов, — чётко отработала Тори, глядя ему в затылок. Коваль наконец обернулся. В его глазах мелькнуло что-то вроде жалости.

— Нервы? Вы серьёзно думаете, что у нас тут нейрохирургия? Мы вытаскиваем осколки и останавливаем кровь. Ваш первый пациент уже в пути. Пулевое, срединный нерв. Шансы сохранить функционал — ниже плинтуса. Полагаю, с этого солдата вы и начнёте вашу... реабилитационную программу.

В его голосе была лишь усталая констатация факта: ещё одно тыловое дитя приехало поиграть во фронтового хирурга.

- Разрешите идти?

- Идите! - В его голосе ей послышалась насмешка.

Тори вышла в коридор и быстро зашагала в сторону операционной. Сразу после приезда ей удалось познакомиться с госпиталем, который расположился в каркасе бывшего технического университета, у неё была отличная память и она без труда нашла нужное помещение. У операционной уже ждали её будущие коллеги, невысокая женщина средних лет, за ней, чуть в стороне, мужчина. Высокий, сутуловатый, с усталыми, но невероятно спокойными глазами за очками. Он не спеша протирал линзы.

Тори внимательно посмотрела на них, улыбнулась и протянула руку.

— Доброе утро! Меня зовут Тори Тор, капитан медицинской службы, военно-полевой хирург. Специализация — реконструктивная хирургия конечностей и периферических нервов.

— Лия Форет, — женщина протянула руку и мягко пожала, — первый сержант, сестра-хозяйка операционного блока. Со мной была налажена работа у трёх предыдущих хирургов. Инструмент знаю, как свои пальцы. Надеюсь, вы тоже знаете, что вам нужно.

— Алекс Новак, майор, анестезиолог-реаниматолог, — произнёс мужчина глуховатым голосом, — Со мной пациенты не просыпаются посередине и не уходят в конце. Ваши пожелания по протоколу обезболивания? — Он уже смотрел на историю болезни пациента, будто начал диалог с самого важного.

— Рада отличной команде. Сержант Форет, мне понадобится микрохирургический набор, плюс набор для шва нерва 8/0. Майор Новак, протокол — тотальная внутривенная анестезия с минимальным влиянием на периферический кровоток. Нужна стабильная перфузия в конечности.

— Восемь-ноль? — Брови Лии взметнулись вверх на долю секунды. Это был высший пилотаж, хирургия ювелиров. — Сейчас принесу.

Она развернулась и вышла по-походному, чётко и быстро.

Оставшись на секунду одна в холодном свете предоперационной, Тори глубоко вдохнула. Запах антисептика, гула генератора и тихого писка мониторов, знакомый коктейль, но здесь, в «Цитадели», он был гуще и тяжелее.

Тори подошла к раковине. Тёплая вода, щётка с жёсткой щетиной, проходящая под ногтями, по каждой фаланге, до локтей. Методично, механически, смывая не столько грязь, сколько остатки сомнений, усталость от дороги, колющие слова начальника. Эти руки он когда-то, в детстве, пытался уберечь от царапин, заворачивая в перчатки перед игрой в саду. Эти же руки она позже тренировала часами, обрабатывая швы на шелковой ленте, затем — на свиных сосудах.

Она выбрала микрохирургию не только из-за сложности. Она выбрала её потому, что это была полная противоположность миру грубой силы отца, стратегических карт и приказов, ломающих судьбы. Его мир ломал. Её — собирал по крупичкам. Самые сложные, самые невозможные случаи — вот где была её территория, на которую никто не смел ступить. Её руки два года собирали раздробленные кости мирных жителей после аварий — этого срока хватило, чтобы страх сменился холодной, методичной уверенностью. Она уже знала, что может работать под давлением. Теперь ей предстояло сделать то же самое под аккомпанемент другой, фронтальной, симфонии.

Вернулась Лия, неся в стерильных упаковках наборы. Она молча кивнула Алексу, который уже занимал свой пост у изголовья будущего операционного стола — его «нестерильное» царство. Новак был уже в своём обычном халате, надетом поверх камуфляжа — его подготовка была иной — он проверял исправность мониторов, раскладывая катетеры и шприцы на передвижном столике. Пациента ещё не было, но его дух уже витал здесь — в гуле аппаратуры, в контрасте между её скрупулёзной чистотой и его деловой готовностью.

Тори чувствовала, как за её спиной Лия, уже вытерев руки, бесшумно раскрывает стерильный пакет с халатом.

И тут в тишине предоперационной раздался резкий звонок.

— Везут, — коротко бросила Лия, уже просовывая руки в рукава. Её пальцы, ловкие и быстрые, тянулись к перчаткам в стерильной упаковке.

Тори резко выключила воду, приняла от санитара свой халат. Теперь они были обе превращены в стерильные машины — две фигуры в синем, с обнажёнными до локтей, идеально чистыми руками. Резинка перчаток щёлкнула у неё по запястьям почти синхронно со щелчком у Лии.

Последний взгляд на снимки...

Мониторы ждали. Инструменты на столике лежали в геометрически точном порядке.

— Тотальная внутривенная. С контролем нервной проводимости для вашей работы, — тихо констатировал Новак, уже набирая препараты в шприцы. Его пальцы двигались автоматически, без суеты. — Перфузию буду держать, но смотрите на капиллярный возврат сами.

Алекс, закончив подготовку аппарата, отошёл в свой угол. Он не мылся сейчас — его зона была здесь, у изголовья, за экранами. Мужчина скрестил руки на груди и замер в ожидании.

В тишине предоперационной раздался скрип колес, приглушённые голоса за дверью. Пациента катили к ним.

— Готовы? — спросила Тори, обращаясь в пустоту между ними.

— Всегда, — сдержанно отозвался Алекс, поправляя очки.

— Инструмент ждёт, — сказала Лия, становясь у своего столика, и в её голосе впервые прозвучал вызов. "Покажи, на что способна", словно говорила она.

Двери операционной распахнулись, впуская носилки с бледным, отрешённым мужчиной и тяжёлый воздух ожидания.

Санитары бережно, с выверенной сноровкой, перекатали тело на операционный стол. Алекс мгновенно подступил, его пальцы уже летали, подключая датчики, поправляя манжету. Мониторы ожили, зарисовав зелёные, оранжевые и красные кривые — цифровая душа, поставленная на публичное обозрение.

Тори подошла к пациенту. Он лежал, уставившись в ослепительный круг хирургической лампы. Его глаза были не пустыми, как показалось сначала, а сосредоточенными.

— Я доктор Тор, — голос Тори прозвучал тихо, но чётко, перебивая равномерный писк аппаратов. — Сейчас мы начнём.

Его взгляд медленно, с трудом, словно преодолевая громадную дистанцию, сместился с потолка на её лицо. В серых, почти бесцветных глазах не было ни страха, ни надежды.

— Шансы, что рука останется есть? — спросил пациент.

— Есть, — ответила Тори, не сгибаясь. — Но работа сложная. Мне нужно, чтобы вы не спали ещё долго. И потом — чтобы терпели.

Он медленно моргнул. Длинная, тяжёлая пара век, отсекающая внешний мир.

— Хорошо, — произнёс он. Алекс, стоя у изголовья, мельком взглянул на пациента, и Тори поймала этот взгляд — в них было что-то вроде предупреждения.

«Он уже на краю», говорили ей глаза Новака, «терпения может не хватить ненадолго».

— Начинаем, — сказала Тори, и её голос заглушал всё, кроме задачи.

Первый час был грубой работой землекопа. Лия подавала инструменты. Первый разрез. Расширение раны. И вот она открылась во всей своей ужасающей «логике». Это была не просто рана. Это была формула, нанесённая свинцом и сталью. Пуля, рассчитанная на максимальное поражение, встретила кость и разворотила её, создав мириады осколков, каждый из которых стал вторичным снарядом. Она видела, как пострадали сосуды, как был порван, словно гнилая верёвка, срединный нерв — тот самый, что даёт жизнь пальцам, чувство осязания, тончайший контроль.

— Остеотом, — сказала Тори, и началась кропотливая расчистка поля боя. Первый осколок, зацепившийся за мышцу. Второй, вонзившийся в межкостную мембрану. Третий... Десятый... Каждый требовал своего подхода: где-то — точный рычаг, где-то — деликатное выворачивание пинцетом. Потом — промывание, лигатура мелких сосудов, которые упрямо сочились, стоило лишь отвлечься. Её мир сузился до раны, до этих нескольких квадратных сантиметров разрушения.

Алекс периодически бубнил показатели: «Давление падает», «Перфузия на грани». Она кивала, не отрываясь, уже вводя иглу для временной фиксации костных отломков. Рука должна была обрести каркас, прежде чем можно было бы думать о чём-то более тонком.

Второй и третий часы слились в одно монотонное, нечеловеческое напряжение. Под лупой микроскопа мир преобразился. То, что было раной, стало лунным пейзажем из кратеров и обрывков тканей. Нерв висел двумя безнадёжными, размочаленными культиями. Между ними — пропасть в несколько миллиметров, которая в масштабе микроскопа казалась бездной.

— Пинцет микроворсяной, — тихо сказала она Лие, и инструмент лёг в протянутую ладонь. Его бранши тоньше ресницы. Дыхание замедлилось само собой. Сердцебиение, обычно отдававшееся в висках, ушло куда-то на периферию сознания. Остались только две иглы-невидимки, нить 8/0, что тоньше паутины и эти два конца разорванной «электрической магистрали» тела.

Первый шов — чтобы совместить оболочки. Пальцы, замершие в неестественной, но отработанной до автоматизма позе, не дрогнули, но внутри всё замерло от напряжения. Второй шов. Третий.

— Контроль, — тихо попросила она Алекса. Он подал сигнал на стимулятор. На мониторе нервной проводимости — плоская линия. Ничего.

— Дистальнее, — скомандовала Тори, и её голос прозвучал хрипло от долгого молчания. Второй раз. На экране — слабый, едва заметный всплеск. В операционной никто не выдохнул с облегчением, но Тори почувствовала, как у Лии чуть расслабились плечи. Есть контакт. Сигнал прошёл.

— Продолжаем, — сказала Тори, и снова погрузилась в беззвучный мир, где слышен лишь тихий щелчок держателя иглы и собственное кровообращение в ушах.

Четвёртый час. Усталость стала материальной. Она чувствовала её жжением в мышцах шеи, затёкшей спиной, упрямой дрожью в икрах, которую приходилось подавлять силой воли. Мир за пределами микроскопа расплывался. Существовали только голоса.

— Капиллярный возврат ухудшается, — как сквозь вату, донёсся голос Алекса.

— Добавь коллоидов, — отозвалась она, даже не задумываясь. Мозг, отключённый от всего лишнего, продолжал выдавать решения. — И проверь газы.

Каждый следующий шов требовал всё больше усилий и концентрация начинала давать трещины. В глазах от яркого света микроскопа поплыли цветные круги. Тори на секунду оторвалась, зажмурилась, сделала глубокий вдох, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику под стерильным халатом.

— Всё в порядке? — спросила Лия.

— В порядке, — Тори снова наклонилась к окулярам. Осталось два шва. Последний рывок.

Битва за миллиметры нервной ткани закончилась через четыре с половиной часа. Последний, тоньше паутины, шов был наложен. Тори отодвинулась от микроскопа, и мир с грохотом обрушился на неё. Гудение аппаратуры, скрип стула — и тишина, которую никто не решался нарушить. Она медленно выпрямилась. Лия уже протягивала ей материал для ушивания раны — работа попроще, почти отдых после ювелирного кошмара. Когда рана была ушита, рука зафиксирована в специальной шине, Тори позволила себе наконец выдохнуть. Каждая мышца в её теле ныла и кричала от статического напряжения.

Пациента Алекс лично сопровождал с каталкой в реанимационную палату.

Тори стояла у раковины, смывая с рук невидимую, но ощутимую плёнку адреналина, пота и чужой крови. Вода была почти болезненно горячей, но внутри, сквозь усталость, пела тихая, сдержанная победа. Она это сделала. Все анатомические структуры восстановлены. Теперь всё зависело от воли пациента и коварства биологии.

— Неплохо, — сухо констатировала Лия, протирая свой инструментальный столик. В её голосе не было восторга, но и прежней ледяной отстранённости тоже. Было короткое, деловое признание: с задачей справилась.

— Для первой операции в «Цитадели». Четыре с половиной часа... это быстро для такого разгрома.

— Спасибо, — кивнула Тори, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлой, тёплой и неумолимой волной. Ей хотелось только снять халат и закрыть глаза на пять минут, чтобы эти четыре с половиной часа наконец отпустили.

Этим планам не суждено было сбыться.

Дверь в предоперационную распахнулась впуская взъерошенного ординатора.

— Капитан Тор? Вас срочно в сортировку! — его голос сорвался на хрипоту. — Майор Коваль попросил заняться потоком. В третьем боксе ждёт лёгкий, пулевое плечо, мягкие ткани.

Тори почувствовала, как по спине, от копчика до затылка, пробежала холодная, острая игла обиды. Её, только что закончившую операцию высочайшей сложности, бесцеремонно сдёргивали со сцены и ставили к конвейеру.

«Раз уж поигралась со своим нервом, теперь займись настоящей работой» — слышалась за словами ординатора плохо скрытая насмешка самого Ковалья. Её мастерство сейчас в их глазах было просто капризом, затянувшейся репетицией перед «настоящим делом».

Она медленно сняла перчатки. Хруст резины прозвучал как выстрел. Потом резким, почти рвущим движением натянула свежий халат. Ткань пахла крахмалом и в этом жесте было всё её раздражение.

— Иду, — отрезала она.

Сортировочное отделение «Цитадели» было похоже на ад организованный по строгому армейскому уставу. Здесь царил упорядоченный, методичный кошмар. Воздух вибрировал от низкого гула десятков голосов, стонов, лязга колёс носилок о бетонный пол, отрывистых команд. Запахи ударили в нос слоями: сверху — резкая, едкая волна антисептика и йода; под ней — тяжёлый, медный запах свежей крови; а в основе — густой, кисловато-сладкий дух пота и грязи.

Тори замерла на пороге, на минутку ослеплённая. После стерильной, сфокусированной тишины операционной этот вал звуков, запахов и движения обрушился на неё, как физическая пощёчина. Она видела как по стенам, в два ряда, сидели и лежали люди в рваном камуфляже. У одного зажата окровавленная повязка на голове, другой безучастно смотрел в стену, обхватив трясущимися руками живот. Из-за ширмы доносился сухой, лающий кашель — признак лёгочного ранения.

Воздух резало не просто запахами, а концентрацией отчаяния: тут пахло пороховой гарью, прилипшей к ткани, железом крови, едким потом, сбитым в комья глиной из окопов и едва перебивающим всё это хлоркой.

Тори стиснула зубы так, что заболела челюсть, и заставила себя двинуться вглубь, к третьему боксу. Она пробиралась, буквально отталкивая от себя этот тошнотворный гул, как пловец — воду. Её рука задела носилки, но санитар, несущий их, даже не обернулся — он шёл с остекленевшим, отработанным до автоматизма взглядом. Вокруг был не беспорядок, а конвейер, который не останавливался.

Коридор был расчерчен на зоны, как карта: у стены — «ходячие» с перевязанными конечностями, посредине — «лежачие, стабильные» на носилках, у дверей в операционные — «срочные». И везде — методичный, не прекращающийся ни на секунду гул: приглушённые команды, крик санитаров, сдвигающих носилки, шипение кислородных баллонов, прерывистый стон, который тут же глушили обезболивающим.

Третий бокс был крошечным, отгороженным лишь пластиковой шторкой в синих разводах. Тори взялась за шторку и на секунду ей показалось, что она возвращается в свою тихую операционную, где всё под контролем. Она резко дёрнула и остановилась.

На узкой койке сидел мужчина, прислонившись спиной к стене, будто намеренно возводя последний бастион между собой и хаосом снаружи. Первое, что бросилось в глаза — несоответствие, сбивающая с толку мощь, поставленная на паузу. Широкие плечи, тяжёлая кость запястий, торчавших из рукавов камуфляжной куртки. Он напоминал горную глыбу, грубо отколотую и приваленную к этой хлипкой стене. Его сила была очевидна, но сейчас — бесполезна и обращена внутрь.

И лицо. Оно будто бы не принадлежало этому мощному телу. Не грубое, изрезанное застывшими следами постоянного напряжения. Скулы, выступавшие словно скальные выступы, твёрдая, упрямая линия челюсти, сжатой сейчас. Короткие, жёсткие волосы, тёмные, с резкой, редкой, почти искусственной проседью на висках, которая не старила, а лишь подчёркивала выдержку, выжженную в самом металле души.

Но главное — глаза. Они были тёмными, глубокими, почти чёрными. В них не было ни вспышки боли, ни отблеска страха. Только феноменальный, поглощающий свет покой. Взгляд человека, который привык часами вглядываться в дрожащий маревом горизонт, и теперь эта привычка к бесконечно удалённому фокусу обратилась внутрь. Казалось, он смотрит не на неё и не на стену, а сквозь них — на какую-то внутреннюю, только ему видимую точку прицеливания. Прямо сейчас он проводил ревизию собственного повреждения с методичной, отстранённой точностью баллистического расчёта.

Правое плечо было туго перетянато уже пропитавшимся кровью жгутом и неловким полевым бинтом.

— Доктор Тор, — представилась Тори, подходя, чтобы осмотреть повязку. Её профессиональный взгляд скользнул от лица к ране, но образ врезался в память. Таких лиц в тыловых госпиталях не бывало. Это было лицо с той стороны фронта — не географического, а экзистенциального.

Пока её пальцы разматывали пропитанный кровью бинт, взгляд машинально отметил детали. Руки. Даже расслабленные, они лежали с особой, готовой к действию чёткостью — не на коленях, а на бёдрах, ладонями вниз, как будто даже сейчас опирались на невидимую ложе винтовки. Пальцы — длинные, с цепкими, несколько уплощёнными на кончиках подушечками. И главное — полное, идеальное отсутствие малейшей дрожи. Даже сейчас, при боли и кровопотере. Это были не просто руки. Это были инструменты калибровки и убийства. И по характерным мозолям на определённых местах ладоней и пальцев, по тому, как он инстинктивно, почти не замечая того, сложил левую кисть в полукольцо, будто обхватывая приклад, Тори с абсолютной ясностью поняла: перед ней снайпер. Его оружие — это продолжение этих рук, а эти руки — продолжение воли.

— Сквозное? — спросил он первым. Голос был низким, хрипловатым и в нём звучала не надежда, а требование к точности. Простой вопрос, заданный как пароль, как запрос данных.

Тори, уже снимая бинт привычными, быстрыми движениями, кивнула. Рана оказалась аккуратной, «правильной» — пуля прошла навылет, не задев кость и крупные сосуды. Идеальное пулевое.

— Да, сквозное. Повезло. Дельтовидная повреждена, но кость и главный нервный пучок целы. Заживёт быстро...

Мужчина лишь оценивающе моргнул, принимая данные, как машина принимает обновлённые координаты.

— Не быстро, — поправил он тихо, глядя куда-то в пространство за её плечом, будто вычисляя невидимые переменные. — Промаях стоил мне позиции.

Тори остановилась, зажимая в пинцете тампон с антисептиком и удивлённо посмотрела на него. Он говорил не о боли, не о здоровье, не о себе как о человеке, а о сбое в работе. Его тело было для него сложной, высокоточной системой, и сейчас он констатировал её временную неисправность, оценивая ущерб исключительно в категориях тактической эффективности.

— Ваша задача сейчас, — сказала она, и её голос приобрёл хирургическую твёрдость, врезающуюся в его отстранённость — дать этой ране зажить, чтобы инструмент снова был в порядке.

Его глаза, глубокие и бездонные — медленно, с ощутимым усилием, словно преодолевая гравитацию собственного сосредоточения, вернулись к её лицу. Он изучал её теперь не как препятствие или часть интерьера, а как новую, не учтённую переменную в своём уравнении. Молчание повисло между ними на несколько мгновений.

— Инструмент, — повторил он наконец и посмотрел на её руки — быстрые, точные, уже готовящие шовный материал. И это прозвучало как страшное, лишённое самосожаления признание родства. Согласие воина с тем, что он — прежде всего, функция. Орудие, которое дало осечку. Как и она, в этот момент, была орудием ремонта.

Она сделала первый укол анестетика, затем второй. Он даже не дрогнул. Контроль был абсолютным, как у человека, привыкшего долгое время подавлять любые внешние проявления, чтобы не выдать свою позицию. Он смотрел в потолок, но Тори почему-то чувствовала тяжесть этого взгляда на своих пальцах, на каждом сантиметре нити, будто он фиксировал не процесс, а баллистическую траекторию её действий.

Ей почудилось, что он проверяет его на соответствие некому внутреннему, безупречному протоколу, как на поле боя проверяют сверяют углы прицеливания и боковое смещение. Он оценивал её работу по тем же критериям, по которым оценивал свою: чистота исполнения, экономия движения, результат. Только её мишенью была плоть, а его — жизнь.

Тори взяла иглодержатель. Внезапно, оглушительный шум сортировки отступил, приглушился. Здесь, за шторкой, под её пальцами была не просто рана. Это было первое, пока ещё крошечное и окровавленное, пересечение их миров. Его мир был миром расчётов, одной пули и спасённых жизней. Её — миром скальпеля, нити тоньше паутины и сражения за каждый миллиметр живой плоти. Оба — хирурги в самом широком смысле. Только оперировали они по-разному: один — рассекая расстояние, другая — сшивая разорванное.

Тори сделала последний, аккуратный узел, подрезала нить. Рана была чисто обработана, перевязана. Работа была безупречной.

— Всё, — она отодвинулась, снимая перчатки. — Швы сниму через десять дней. Старайтесь не напрягать руку, антибиотики вам пропишут в палате.

Он медленно, будто проверяя новый, не до конца откалиброванный механизм, согнул и разогнул локоть и коротко кивнул — оценка «исправно/неисправно» была вынесена.

Затем его взгляд скользнул по её лицу, по петлицам капитана на халате, и остановился где-то на уровне её плеча. В его взгляде была усталая снисходительность, привычное отмахивание от чего-то несерьёзного.

Он крикнул, с усилием поднимаясь с койки. Постоял секунду, привыкая к головокружению, и бросил через плечо, уже отворачиваясь к выходу:

— Ладно... Спасибо, сестричка. Шов ровный.

Слово «сестричка» прозвучало как прицельный, тихий выстрел с глушителем. Оно отозвалось в ней колючим эхом. «Сестричка». Так в академии иногда обращались к девушкам-курсантам. Так, она была уверена, обращался её отец к младшему медицинскому составу на своих инспекциях. Это было слово из того мира, от которого она сбежала, — мир иерархии, пренебрежения и намеренного обесценивания. И теперь это слово швырнул ей тот, чью плоть она только что держала в руках, чью боль заглушила, чью функцию стремилась восстановить. Это была метка. Приговор её статусу здесь, в этом месте, где, как она уже начинала понимать, шли свои, куда более жестокие бои за признание.

Тори застыла. В горле встал ком, от возмущения. Она увидела, как его широкая спина скрылась за пластиковой шторкой, растворившись в гуле сортировки и медленно выдохнула, разжимая незаметно сжавшиеся кулаки. Лия, Новак, Коваль, а теперь и этот... Вся «Цитадель» казалась единым организмом, отвергающим её, словно инородное тело.

«Сестричка», — беззвучно повторили её губы.

Тори с силой скомкала использованные перчатки. Нет. Она не позволит этому горе-воеке или насмешкам Ковалья загнать себя в угол. Её место — у операционного стола, а не на перевязке лёгких ранений. Раз уж её списали со сложного пациента, она будет полезной здесь и сейчас. Сортируя, помогая, беря на себя поток.

Тори решительно вышла из бокса в помещение сортировочной и её взгляд упал на перегруженного ординатора, пытавшегося одновременно держать жгут и искать вену у бледного, как полотно, солдата.

— Давайте я помогу, — сказала она, уже протягивая руку за катетером.

Ординатор, почти юноша с запавшими глазами, резко взглянул на неё, потом на её чистый халат.

— Не надо, капитан, — буркнул он, отворачиваясь. — Я сам справлюсь. У вас своя работа должна быть.

Она отступила, будто наткнувшись на невидимую стену. Своя работа. Какая?

Она двинулась дальше, к столу, где фельдшер наскоро шил рваную рану на голени.

— Помочь? Могу зашить.

Фельдшер, немолодой мужчина, даже не поднял головы.

— Спасибо, не. Со своей работой управлюсь. Вас, наверное, ждут.

«Ждут». «Своя работа». Фразы, как отзвуки одного и того же приказа. Вежливые, но не оставляющие сомнений отказы. Её помощь здесь не просто не нужна — её не ждали. Она была чужой в этом отлаженном механизме, винтиком, который не подходил к чужим шестерёнкам.

Предчувствие нарастало — холодное и тошнотворное. Это было не случайностью. Это было правилом. Её направление в операционную, где «потихе», вызов на лёгкого раненого, а теперь эти вежливые отказы — всё это были звенья одной цепи.

Она развернулась и твёрдыми шагами направилась к кабинету майора Ковалья за разъяснением, что, чёрт побери, здесь считается «её работой».

Дверь в его кабинет была приоткрыта. Коваль сидел за столом, заваленным бумагами, и пил густой, тёмный чай. Он посмотрел на неё поверх края кружки.

— Разрешите войти? — сказала ровным голосом Тори, останавливаясь на пороге. — Мой пациент прооперирован и переведён. Я вышла в сортировку, чтобы предложить помощь. Мне трижды отказали, сославшись на то, что у меня «должна быть своя работа». Какую работу я должна делать в перерывах между вызовами на «лёгкие случаи»? Или здесь принято, чтобы хирурги простаивали, пока в двух шагах люди истекают кровью?

Коваль медленно поставил кружку, откинулся на спинку стула, и его лицо вдруг показалось ей печальным и бесконечно уставшим от этой игры.

— Садитесь, капитан, — сказал он неожиданно мягко, указывая на стул. — Вы всё правильно поняли, но это неизбежно.

Тори осталась стоять. «Неизбежно» прозвучало, как приговор.

— Это не против вас лично, — продолжил майор, устало потирая переносицу. — Хотя ваш напор... он раздражает. Как раздражает всё новое и неиспорченное здесь, но дело не в этом. «Цитадель» не доверяет незнакомым инструментам. Даже самым острым. Кстати, особенно самым острым. Потому что острый инструмент может порезать того, кто им неумело пользуется. Или сломаться о нашу реальность. И то, и другое здесь — лишние проблемы.

— Я не инструмент, я хирург, — холодно парировала Тори. — И моё место за столом, а не в стороне.

— Ваше место, капитан Тор, — Коваль отчеканил каждое слово, — там, где его определит начальник хирургического отделения. Или... вышестоящее командование.

В его голосе появилась нотка, которая заставила Тори насторожиться. Что-то личное, почти горькое.

— Знаете, — он отпил глоток чая, глядя куда-то мимо неё, — у меня тоже есть дочь. Ей семнадцать. Она мечтает стать ветеринаром. И если бы она однажды сбежала на передовую... Я бы сделал всё, чтобы её оттуда выдернуть. Всё. Даже если бы для этого пришлось запереть её в самом безопасном месте и давать только самую дурацкую работу... Чтобы она сама сломалась и уехала.

Она поняла, Коваль всё знал.

— Вы говорите загадками, майор, — выдавила она, но голос уже потерял прежнюю твёрдость.

Коваль наконец посмотрел на неё прямо.

— Не делайте вид. Мы оба знаем, о ком речь. Генерал-полковник Тор. Человек, чьи приказы меняют дислокацию армий. Человек, который просил — нет, приказал — обеспечить безопасность своей дочери и... желательно, полное профессиональное разочарование, чтобы она вернулась.

Он позволил словам повиснуть в воздухе. Тори чувствовала, как земля уходит из-под ног. Нет, хуже. Как будто у неё из-под пальцев выскользнул только что наложенный идеальный шов, и всё, за что она боролась, рассыпалось в кровавую кашу. Её побег, её вызов, её попытка доказать что-то себе и миру — всё это оказалось детской игрой, за которой наблюдал взрослый. Её отец протянул свою длинную тень даже сюда, в операционную «Цитадели», и теперь эта тень

накрывала собой все её четыре с половиной часа у микроскопа, её «восемь-ноль», превращая их в беспомощный жест, в каприз дочери.

— Так что ваше «лёгкое ранение», капитан, — не издёвка. Это буфер. Ваша изоляция — не бойкот. Это щит. Нежный, хрупкий и абсолютно прозрачный, который держат над вами. И все здесь, кто старше сержанта, это понимают. Они отказывают вам не потому, что вы женщина или новичок. Они отказывают вам, потому что вы генеральская дочь на опасной прогулке. И никто не хочет отвечать перед вашим отцом, если с вами что-то случится на их смене. Или — что ещё хуже — если из-за вашего вмешательства что-то случится с их пациентом.

Тори молчала. Унижение было теперь стократным. Оно шло не от некомпетентности, а от протекции. Самой ненавистной для неё формы неуважения.

— Я не просила этой... защиты, — прошептала она.

— Но вы её получили, — безжалостно закончил Коваль. — По праву рождения. Так что ваша война, капитан Тор, начинается не с пулевых ранений. Она начинается здесь. Вам нужно доказать всем, что вы не хрупкая вещь, которую нужно упаковать в вату. Что вы — часть этой машины, а не её аварийный люк. И пока вы этого не сделаете... да, вас будут беречь. От работы, от риска, от доверия. Как самое ненадёжное и ценное звено в этой цепи. Вы поняли приказ?

Он смотрел на неё, ожидая. В его глазах читалось почти сочувствие. Он понимал её злость. Но его приказ — и отцовский, и человеческий — был железным.

Тори медленно встала.

— Поняла, — сказала она чётко. — Приказ — быть обузой, пока я сама не сниму с себя этот статус.

— Именно, — кивнул Коваль. — Удачи. Вам она понадобится куда больше, чем там, — он махнул рукой в сторону окон, за которыми гудел госпиталь.

Теперь у неё была ясность. Тори вышла из кабинета Ковалья, и дверь тихо захлопнулась за ней, запечатав прошлую, наивную версию себя по имени Тори Тор. В коридоре пахло хлоркой и сыростью. «Генеральская дочь на опасной прогулке». Слова жгли, как кислота, но пустоту тут же начала заполнять злость.

Она шла по коридору, но её взгляд был направлен не внутрь, а вперёд, сквозь стены, в самое сердце госпитального механизма. Коваль думал, что поставил её на место. Он ошибался. Он всего лишь объяснил ей карту минного поля. И если её путь к операционному столу был заминирован приказами её отца, значит, нужно найти другой выход.

Её шаги, вначале тяжёлые, стали быстрее и твёрже. Она не просто поняла приказ «быть обузой». Она приняла вызов — найти способ перестать ею быть вопреки всем, включая собственного отца. И первая цель на этой новой карте лежала не в операционной, а в палате, где спал её первый, настоящий пациент — тот, на ком не было клейма «лёгкого случая», тот, кто стал её единственным, пока ещё хрупким, профессиональным оправданием в этой крепости.

У стойки сестринского поста, заваленной бумагами и термосами, собралось несколько ординаторов и фельдшеров. Они не заметили её, увлечённые напряжённым спором.

— Третью ночь подряд на четвёртом блоке, — сквозь зубы процедил коренастый лейтенант-фельдшер, растирая переносицу. — Эффективность падает ниже допустимого. Ошибка неизбежна.

— Подтверждаю, — кивнул старший ординатор, капитан с уставшим лицом. — У меня вчера на сортировке чуть не перепутали историю болезни. Система сбоит. Нужна ротация.

— График — неадекватен, — резюмировал третий, тыча пальцем в злополучный листок. — Кто его составлял — тот явно оторван от реальности. Нужно докладывать начальнику отделения. Это вопрос дисциплины и безопасности пациентов.

На столе лежал листок с расчерченными клетками — расписание ночных дежурств из-за которого разгорелся спор. Оно было исчеркано пометками, вопросами и гневными подчёркиваниями. Проблема висела в воздухе, густая и не решённая, как мина замедленного действия.

Тори остановилась в шаге от них и какое-то время прислушивалась к разговору. Её взгляд скользнул по напряжённым, невыспавшимся лицам, потом упал на график. Мысль созрела мгновенно. Это был классический тактический манёвр: если противник занимает все ключевые высоты и блокирует тебя на периферии, нужно атаковать там, где его оборона ослаблена, а ценность территории недооценена. Если днём её «берегут», отстраняют, не дают работать... Ночь здесь принадлежала тем, кто нёс вахту, когда командование спало. Это была *terra incognita* «Цитадели», её теневая, измотанная половина. Идеальный плацдарм для десанта.

Она сделала шаг вперёд. Разговор смолк. Все обернулись на неё — на новенькую, на объект секретных инструкций.

— Разрешите вникнуть в ситуацию? — сказала Тори. Её голос прозвучал ровно, по-деловому. Она не стала ждать ответа, протянула руку и взяла со стола красный маркер. — У меня есть предложение по решению вопроса.

Повернувшись к графику, она провела одну жирную, уверенную вертикальную линию через все вечерние и ночные смены на неделю вперёд. В образовавшейся колонке она вывела размашисто, печатными, почти дерзкими буквами: «ТОР. Дежурный хирург...» Буквы «ТОР» легли на бумагу, как знамя, водружённое на только что завоёванном клочке территории. Потом она обернулась к группе.

— Я принимаю на себя все ночные дежурства в течение следующей недели. Вам будет обеспечена ротация и отдых. Мои условия: полная оперативная самостоятельность в моём блоке и невмешательство в методику работы. Днём — действует ваш регламент. Согласны?

Повисла тишина, нарушаемая только отдалённым гулом госпиталя. Они смотрели на неё с оценкой и взвешивали риски. Новичок. Женщина. Но — хирург, только что выполнившая сложнейшую операцию. И её предложение решало их проблему одним махом.

Старший ординатор первый кивнул, коротко и по-деловому. В его глазах она прочитала быстрый расчёт: «Возьмёт на себя самый ад. Если справится — нам легче. Если надорвётся — её проблемы, и график вернётся к старому. Риск — нулевой».

— Предложение принимается, капитан Тор. График будет скорректирован. Вы понимаете, что это значит? Де-факто вы становитесь начальником ночной смены. Все ЧП — на вашем отчёте. Докладывать майору Ковалю будете по результатам недели.

— Доложите ему сейчас, — парировала Тори, кладя маркер на стол. Её тон не допускал дискуссий. — Что вопрос с ночными дежурствами решён окончательно.

Она резко развернулась и не замедляя шага пошла по коридору, как офицер, отдавший приказ и не ожидающий его обсуждения. Впервые с момента приезда углы её губ дрогнули в подобии улыбки. Она только что не просто взяла на себя работу, а совершила акт хирургического вмешательства в тело самой «Цитадели», вырезав для себя кусок суверенитета. Теперь у неё был свой плацдарм, свои часы, своя зона ответственности. Её ночь. И первая цель на этой территории лежала за дверью палаты интенсивной терапии.

За её спиной был слышен лишь короткий, профессиональный обмен репликами:

— Ну что ж... Распределите смены согласно новому графику.

— Есть.

Дверь в палату была шлюзом в другое пространство. Здесь царила приглушённая тишина, нарушаемая только монотонным пиком аппаратов и тихим шипением кислорода. Воздух был холодным и стерильным, без запаха жизни, только чистота.

В палате было три койки. На дальней, под самым окном, лежал её первый пациент — мужчина с забинтованной в сложную шину рукой, подключённый к системе мониторинга. На средней койке спал, судя по хриплому дыханию, мужчина с травмой грудной клетки.

А на койке у двери, спиной к стене, в той же неестественно бдительной позе, сидел он. Снайпер. Его тёмные, поглощающие свет глаза были открыты и смотрели прямо на неё. Взгляд был тем же — оценивающим, лишённым личного участия.

Тори едва кивнула ему, не позволяя себе ни малейшей эмоции после его «сестрички» и направилась к своему прооперированному пациенту. Её мир сузился до него, до графиков на мониторах, до пульса на запястье под её пальцами, до цвета кожи на кончиках пальцев загипсованной руки.

Она работала молча и сосредоточено. Поправляла капельницу, бегло, но внимательно изучала записи медсестры. Каждое её движение было экономным, точным, лишённым суеты. Она не «ухаживала», а контролировала состояние сложнейшей системы после проведённого вмешательства. Каждый устойчивый пик на кардиомониторе, каждый градус нормальной температуры были для неё не просто показателями — они были беззвучными аргументами её успешности. Вот он, её первый и пока единственный неоспоримый довод против насмешек Коваля и снисходительного «сестричка». Живой, дышащий, с целым нервом в раздробленной руке.

И всё это время Тори чувствовала на себе наблюдающий взгляд снайпера. Так он, должно быть, наблюдал за целью перед выстрелом, только сейчас объектом наблюдения была она.

Когда Тори осторожно, миллиметр за миллиметром, проверяла чувствительность кожи на кончиках пальцев пациента специальной иглой, из дальнего угла раздался его тихий, ровный голос.

— Нерв сшивали?

Вопрос прозвучал, как запрос технических характеристик.

Тори не оторвалась от работы, но ответила так же ровно, по-деловому:

— Срединный нерв. Восемь швов.

— Восемь... — он повторил про себя, будто осмысливая масштаб работы. — Шанс на возвращение чувствительности?

— Если всё срастётся и пациент вытерпит реабилитацию — до семидесяти процентов. Это хороший шанс.

Она почувствовала, как он замолкает, переваривая эту информацию. Семьдесят процентов. Для снайпера это цифра, которую можно вписать в уравнение эффективности. В тишине палаты, прерываемой только писком аппаратов, она почти физически ощутила, как в его сознании щёлкает невидимый переключатель, переводя её из категории «тыловой персонал» в категорию «стратегический актив».

Когда она закончила и вымыла руки у раковины в углу палаты, он всё ещё сидел и смотрел. Теперь его взгляд был иным. В нём было переосмысление. Теперь он видел не «сестричку», которая зашила царапину, а хирурга, который вёл многочасовую битву за орган, сравнимый по сложности с оптическим прицелом. За ту самую тонкую связь между волей и действием.

Тори вытерла руки и повернулась к выходу. Проходя мимо его койки, их взгляды на мгновение встретились.

— Отдыхайте, — сказала она тихо, но чётко. — Это не предложение, а медицинское показание.

Первые две ночные смены прошли на удивление спокойно. «Цитадель» ночью была другим существом: не ревушим от боли, а тяжело дышащим, погружённым в лечебный сон. В послеоперационном отделении, за которым теперь была закреплена Тори, стояла тишина, нарушаемая редкими стонами спящих и мерным писком аппаратуры. Дежурные медсёстры, привыкшие к ночному ритму, делали плановые обходы, меняли капельницы, вполголоса перебрашивались парой фраз. Здесь не было места суете и панике — только монотонная, важная работа по поддержанию жизни. Именно это и дало Тори то, в чём она отчаянно нуждалась: время.

Время, чтобы осмотреться, вникнуть в логику госпиталя, изучить запасы, понять негласные правила. И, самое главное, чтобы учиться заново.

Она сидела за стойкой поста, заваленной картами, но перед ней лежали книги. Толстые, потрёпанные атласы по военно-полевой хирургии, руководства по неотложной помощи при

минно-взрывных травмах, исследования по септическим осложнениям в полевых условиях. Тот самый массив знаний, который в тыловом госпитале казался абстрактной теорией, а здесь, в «Цитадели», обретал жуткую, насущную конкретику.

Тори была перфекционистом. Её учили делать всё идеально: идеальный шов, идеальное сопоставление отломков, идеальная асептика. Но приёмное отделение днём показало ей иную правду: здесь не было времени на идеал. Здесь была жизнь, балансирующая на грани, где счёт шёл на секунды, а решения принимались на основе молниеносной, почти животной оценки: «жив-мёртв», «оперировать-ампутировать», «спасать-отправлять дальше». Эта скорость, эта жестокая эффективность пугала и одновременно завораживала её. Ей нужно было ускориться. Перестроить свой идеальный, но медленный внутренний метроном под бешеный ритм фронтального конвейера.

Она углубилась в чтение, делая пометки на полях, сравнивая схемы из книг с тем, что видела своими глазами на операционном столе. Мир сузился до круга света от настольной лампы и строк про первичную хирургическую обработку огнестрельных ран.

Тишину нарушили медленные шаги, тяжёлые, подавляемые, как у крупного хищника, вынужденного ступать по бетону. Она подняла взгляд.

В дверном проёме, заполнив его собой почти целиком, опираясь здоровой левой рукой о косяк, стоял он. Снайпер. В полумраке коридора он казался ещё массивнее, не тенью, а сгустком тьмы, принявшим человеческую форму — широкоплечую, с лицом, которое даже в покое хранило память о тысячах часов невыносимого напряжения. Его чёрные глаза, скользнули по стопке книг, потом остановились на ней, зафиксировав, как цели на прицельной сетке.

— Дежурство и спать нельзя? — спросил он. Голос был низким, хриплым от неиспользования, как скрежет камня о камень. В нём не было прежней язвительной снисходительности. Ночь стирала социальные маски, оставляя лишь суть: он — хищник с нарушенным ритмом, она — дежурный в его временной берлоге.

— Нет, — коротко ответила Тори, откладывая ручку. — Учусь.

Он сделал ещё шаг вперёд, и слабый свет лампы упал на одну половину его лица, выхватив резкую, почти варварскую линию скулы, тень от короткого, жёсткого носа, упрямый, сжатый рот. Его взгляд упал на раскрытый атлас. На странице была подробнейшая, цветная схема — топография сосудисто-нервных пучков верхней конечности с вариантами пулевых ранений и тактикой доступа. Прямо как карта местности. Он замер. Его внимание, всегда рассеянное и обращённое внутрь, на мгновение сфокусировалось на изображении с такой интенсивностью, что казалось, вот-вот прожжёт бумагу. Это была его территория — территория катастрофы.

— Что это? — спросил он тише, и в этом шёпоте была концентрация, как у человека, прислушивающегося к едва уловимому шуму в темноте.

— Инструкция, — так же тихо ответила Тори. Она медленно повернула книгу к нему. — Как не промахнуться внутри человеческого тела. Где проходят «дороги» — нервы и сосуды. Куда может попасть «пуля» — осколок. И как её «извлечь», не повредив главное.

Он молча изучал схему, его мощная, покрытая сетью старых шрамов и свежих царапин рука непроизвольно сжалась в кулак, пальцы пошевелились, будто нащупывая невидимый спусковой крючок или чертя траекторию на невидимой карте. В его чёрных, бездонных глазах, что-то щёлкнуло — узнавание.

— Расчёт, — произнёс он на выдохе, и это слово прозвучало с оттенком почти религиозного откровения. Он увидел, что её работа — это не магия, а бесстрастный расчёт, ничуть не менее сложный, чем баллистика. Только её мишень была не вражеский солдат, а смерть, её пуля — скальпель, её результат — не труп, а шанс.

— Да, — подтвердила Тори, следя за его реакцией. — Точный расчёт. Только мои переменные — давление, анатомические аномалии, время ишемии, сила воспаления. Уравнение со

сотней неизвестных. Один неверный коэффициент — и решение не сходится. Пациент теряет конечность. Или жизнь.

Он поднял на неё взгляд. В глубокой, поглощающей тьме его глаз теперь горела азартная искра понимания, жёсткий, оценивающий интерес хищника, который учуял в другом звере родственную, опасную силу. Интерес специалиста к чужому, но родственному методу.

— И вы всё это... считаете в голове? За секунды.

— Стараюсь, — честно сказала Тори. — Пока не всегда получается достаточно быстро. Поэтому и учусь. По этим картам.

Он ещё раз взглянул на атлас, кивнул, коротко и резко, словно ставя жирную точку в каком-то внутреннем, давнем споре с самим собой. Его массивная челюсть напряглась, проступив под кожей.

— Умно, — бросил он это единственное слово, как приговор, как высшую отметку в его личном протоколе, и, развернувшись с удивительной для его габаритов лёгкостью, так же медленно и бесшумно, как появился, скрылся в полутьме коридора, растворившись в ней, словно он и был её неотъемлемой частью.

Тори смотрела ему вслед. Простой, почти грубый комплимент «умно» прозвучал для неё как акт признания. Она вернулась к книгам, но теперь читала их иначе. Не просто как учебники, а как полевые руководства к предстоящим битвам. Каждая схема, каждый алгоритм теперь были частью её арсенала. А тихая ночная вахта стала её полигоном, где она, страница за страницей, перестраивала себя из «тылового перфекциониста» в хирурга «Цитадели», для которого точность и скорость должны были стать одним целым.

Она перечитала несколько страниц в старой монографии по военно-полевой хирургии, где сухим канцелярским языком описывались методы извлечения неразорвавшихся боеприпасов (UXO) из тканей. Схемы, алгоритмы действий, списки специального инструмента. Инструкция по разминированию человека. Тори закрыла книгу, но изображения — схематические рисунки разрезов рядом с силуэтами гранат и мин — остались под веками, всплывая в моменты тишины.

На исходе третьей ночи, когда предрассветная синева уже начинала вытеснять желтизну ламп из окон коридора, Тори совершала последний плановый обход. В палате, где лежали двое бойцов после лапаротомий, было тихо. Один спал, кряхтя во сне. Второй, молодой парень с заострившимся за несколько дней лицом, лежал с открытыми глазами.

— Как самочувствие? — тихо спросила Тори, подходя к его койке.

— Терпимо, капитан, — буркнул он, но в его голосе не было облегчения. — Колет немного.

Тори кивнула, её взгляд уже скользил по монитору. Давление — на нижней границы нормы. Пульс — учащённый, чуть аритмичный. Не критично, но... настораживающе. Она положила руку ему на лоб. Кожа была горячей и чуть влажной.

— Температуру мерили?

— Последнее измерение, тридцать семь и восемь, — отозвалась дежурная медсестра, заглядывая в график. — В пределах послеоперационного.

«В пределах», — мысленно повторила Тори. Да, для первого-второго дня — возможно. Но её внутренний «перфекционист», подкреплённый вчерашним чтением глав про послеоперационные осложнения, забил тревогу. Слишком вялая динамика. Температура должна была если не падать, то не ползти вверх. А пульс... Он говорил не просто о боли. Он мог говорить о начале интоксикации.

— Давайте посмотрим на шов, — сказала она уже более твёрдым тоном.

Осмотр не выявил ничего явно ужасающего: шов чистый, отёк в пределах нормы, гноя нет, но живот при пальпации был напряжённое, чем должен быть. Не «острый живот», но та

самая «сомнительная» ригидность, которая описана в учебниках как ранний, коварный признак внутреннего воспаления.

— Кто оперировал? — спросила Тори у медсестры.

— Капитан Рид.

Рид... один из самых опытных хирургов «Цитадели». Его работа была, без сомнения, технически безупречна, но бактерии не читали учебники по хирургии. Небольшая микроскопическая несостоятельность шва, локальный перитонит, начинающийся абсцесс — всё это могло развиваться тихо, почти незаметно, чтобы потом, через день, обрушиться сепсисом и потребовать экстренной релапаротомии в самом худшем состоянии.

Тори взглянула на часы. До конца её смены — чуть больше двух часов. До начала дневного обхода главного хирурга — четыре. У них было окно, чтобы не ждать, когда «сомнительно» станет «катастрофически».

— Готовьте его к УЗИ брюшной полости, — распорядилась Тори. — Сейчас. И нужен срочный анализ крови с лейкоформулой и С-реактивным белком.

Медсестра удивлённо подняла брови. Такие срочные ночные исследования по «неочевидному» пациенту — не стандартная практика. Это лишняя работа, но в голосе Тори звучала уверенность, та самая, что не терпит дискуссий.

Через сорок минут у неё на руках были снимки УЗИ и предварительные анализы. Картина была ещё не ясной, но тени сомнения стали чётче. В проекции анастомоза была небольшая, едва уловимая зона с нечётким контуром и жидкостью. Лейкоциты поползли вверх, СРБ — тоже. Это было оно, начавшееся осложнение. Пока — локализованное, управляемое.

Тори взяла телефон, чтобы позвонить Ковалю, но остановилась. Звонить начальнику в шестом часу утра с предположением? Он мог счесть это истерикой. А Рид, опытный хирург, мог воспринять, как личное оскорбление.

Она сделала глубокий вдох, ночь была её зоной ответственности и решение было за ней.

— Готовьте третью операционную к ревизии, — распорядилась она, уже набирая номер Алекса Новака. — И найдите Лию. Скажите, что капитан Тор вызывает на внеплановую ревизию брюшной полости по поводу вероятного несостоятельного анастомоза. Срочно.

В её голосе не дрогнуло ни единой нотки, это был приказ. Первый настоящий приказ, отданный ею в «Цитадели» на основании расчёта, данных и той самой профессиональной паранойи, которая отличает хорошего хирурга от великого.

Когда через полчаса в предоперационной собрались сонные, но собранные Лия и Алекс, Тори кратко изложила ситуацию.

— Оснований для экстренной операции нет, — сказал Алекс, глядя на анализы. — Можно наблюдать.

— Можно, — согласилась Тори. — Но если я права, то скоро у пациента будет разлитой перитонит, сепсис и в два раза меньше шансов. Я не хочу быть права ценой его жизни. Я хочу проверить и, если что, исправить сейчас, пока это техническая задача, а не борьба за выживание.

Лия молча кивнула, уже раскладывая инструменты. Алекс, вздохнув, потянулся к аппарату.

— Ваша вахта, капитан, — глухо бросил он. — Ваше решение.

Операция подтвердила её худшие подозрения. Небольшой, точечный дефект шва, локальное воспаление. Ничего фатального — пока. Работа заняла меньше часа: санация, повторное ушивание, дренирование.

Когда они зашивали, в окошке двери операционной мелькнуло лицо дежурного ординатора. Увидев, что происходит, он исчез. Тори уже мысленно готовилась к тому, что сейчас ворвётся разгневанный капитан Рид, но операция закончилась, пациента перевели в палату, а Рид так и не появился.

Тори вышла в коридор, чтобы передать смену. У стойки уже собирался дневной персонал. И вот тогда, из лифта, вышел он. Капитан Рид. Без халата, в камуфляже, с чашкой кофе в руке. Он выглядел так, будто просто пришёл на плановый обход, чуть раньше обычного. Его взгляд скользнул по Тори, но он не направился к ней, а подошёл к посту, кивнул дежурным и тихо, так, что слышно было только в непосредственной близости, спросил у старшей медсестры:

— Сержант, где лежит мой пациент с лапаротомией? Мне нужно проверить его.

— В третьей палате, товарищ капитан. Ночью была ревизия, всё стабильно.

— Ревизия? — Рид поднял брови с таким естественным удивлением, что Тори на секунду усомнилась: а знал ли он?

— Кто оперировал?

— Капитан Тор. По подозрению на несостоятельность шва.

— Понятно. Спасибо.

Только тогда он повернулся к Тори и подошёл не спеша. В его глазах была усталая деловитость.

Рид остановился напротив, попивая кофе и пристально глядя на неё.

— Ну?

Тори отчеканила сухими, отчётливыми фразами: симптомы, показатели, находка, устранено.

Рид кивнул, глядя куда-то мимо неё, на стену.

— Микронесостоятельность. Бывает.

Он сделал глоток.

— В следующий раз — позвоните. Не за разрешением. Чтобы я знал. Понятно?

— Понятно.

— Смена сдана. Свободны.

Для тех, кто видел Рида спокойным, Тори — усталой, но без тени конфликта, — всё стало ясно. Никакого скандала не случилось. Значит, ревизия была обоснована, и капитан Рид это принял. Слух пополз, конечно, но это был уже не слух об ошибке Рида, а о Тори Тор, которая знает своё дело и умеет держать удар.

Тори стояла ещё секунду, глядя ему вслед. Внутри была странная, почти непривычная пустота — как после того, как снимают гипс с зажившей переломанной руки. Она чувствовала новую, уже испытанную прочность, будто своей работой прорубила в стене их круга брешь ровно по своим размерам и теперь стояла в ней, и они, скрепя сердце, были вынуждены эту брешь признать. Пока — только ночью, которая была уже её территорией.

Тори вышла из корпуса, и её ударил в лицо холодный, предрассветный воздух. Он пах пылью, дизельным топливом и далёким дымом — запахом «Цитадели». Усталость накатила тяжёлой, вязкой волной после ночи, полной напряжённого ожидания и быстрых решений. Ей нужно было хотя бы пять минут тишины, не в пахнущем антисептиком коридоре, а просто под этим грязно-синим небом.

Она закуталась в лёгкую ветровку и сделала первый шаг, прислушиваясь к редким утренним звукам: где-то завёлся грузовик, скрипнула дверь, пролетела ворона.

Рёв пришёл сверху. Он не нарастал — он разорвал утреннюю тишину резким звуком, от которого сжалось сердце и задрожали стёкла в окнах. Тори инстинктивно пригнулась, взгляд рванулся вверх.

Над крышами «Цитадели», вынырнув из-за тучи, нёсся истребитель. Слишком низко для мирного неба. Он был угольно-чёрным, без опознавательных знаков, и его контур был чужд и враждебен. Это был не их самолёт.

Мысль «воздушная тревога!» даже не успела оформиться. Всё произошло за какие-то три секунды.

Из тени у стены корпуса метнулась тень. Он. Снайпер. Его движение было взрывным, точным и невероятно быстрым. На долю секунды свет упал на его лицо — и Тори увидела не привычную отстранённую маску, а предельную, концентрацию. Не страх за себя — а мгновенный, безжалостный расчёт угла, расстояния и укрытия. И в этом расчёте она была уже учтена как критически важный элемент, подлежащий сохранению. Он оказался рядом в два прыжка.

Его движение было молниеносным и точным. Левая, здоровая рука стремительно обхватила её выше локтя, а всё его тело, мощное и собранное, развернулось, став живым барьером. От него пахло крепким кустарным мылом и чем-то неуловимо горным — холодным камнем и хвоей. Этот запах, грубый и абсолютно чужой, врезался в её сознание острее, чем грохот самолёта.

— Вниз! Руки! — его голос, тихий и хриплый, прозвучал у самого уха, как чёткая, безэмоциональная команда.

Он увлекая Тори за собой, присел на корточки, закрывая её широкой спиной. Левая рука, всё ещё державшая Тори за предплечье, не сжимала, а фиксировала, предотвращая любое неловкое падение, а взгляд был прикован к исчезающему силуэту.

Самолёт пронёсся над ними, его грохот отозвался эхом, и скрылся. Атаки не было. Вернулась звенящая тишина.

Только тогда он отпустил её руку, медленно выпрямился, сначала оглядев небо, потом — её. Чёрные глаза оценивающе скользнули по её рукам и позе.

— Целы? — спросил он одним словом и пока его глаза скользили по её рукам, проверяя, Тори поймала в них нечто мимолётное, прежде чем они снова стали непроницаемо-чёрными. Фокусировку. Ту самую, с которой он изучал схему в атласе. Только сейчас объектом изучения была она, как живое существо, которое только что могло перестать существовать. И это его не устраивало.

Тори, всё ещё опираясь на бордюр, кивнула, переводя дух.

— Да. Спасибо.

Он кивнул, уже отводя взгляд, снова анализируя небо.

— Низко прошёл. Без подвесов. Смотрел. — Его диагноз ситуации. — На открытом пространстве после смены — не лучшая позиция. Особенно для хирурга.

Он сказал это, глядя на горизонт, куда скрылся самолёт. Но в его голосе, в этом «особенно для хирурга», пробила тень чего-то личного, почти раздражённой заботы — как если бы он говорил о единственном в полку экземпляре сверхточного дальномера, который кто-то поставил под дождь. И про самолёт сказал это без упрёка. Как констатацию уязвимости в обороне. Потом, бросив последний взгляд на горизонт, развернулся и бесшумно скрылся в дверях корпуса.

Тори осталась стоять, чувствуя, где его пальцы фиксировали её руку. Она поняла, что он спасал не человека, а обеспечивал сохранность ключевого инструмента, прикрыл пару рук, способных накладывать швы 8/0. И в логике «Цитадели» это было куда весомее любой галантности.

Тори вздохнула и пошла к соседнему, уже не ощущая прежней усталости. Война показала ей своё лицо с неба, но в ответ она получила неожиданное, молчаливое подтверждение: её место здесь — не ошибка. Это — факт, который начинают учитывать даже самые закрытые и циничные обитатели этой крепости.

Час спустя, стоя под скудными струями душа в своём углу офицерского общежития, она наконец позволила мыслям разойтись. Вода, отмеряемая таймером, была тёплой — роскошь, за которую «Цитадель» платила собственной электростанцией, работавшей на трофейном карланском соляре. Сквозь шум воды и вечный гул генератора пробивался голос из репродуктора в коридоре. Диктор «Голоса Альянса», женщина с усталым, надтреснутым тембром, читала сводку, словно бухгалтерский отчёт:

«...За прошедшие сутки в Северном Приграничье силы Карланской Республики приняли две неудачные попытки прорыва в районе высоты «Вердом». Потери противника оцениваются в три единицы бронетехники и до двух взводов живой силы. Наши потери — минимальны. В столице, в Белом Дворце Совета, продолжаются консультации с представителями Международного Комитета по деэскалации. Напоминаем, что режим чрезвычайного положения в прифронтовой полосе продлён на неопределённый срок. Далее — прогноз погоды. В Приграничье ожидается низкая облачность, ветер...»

Тори выключила воду. Резкая тишина после гула напомнила ей ту, что наступала в операционной после последнего шва. Она вытерлась грубым казённым полотенцем, пахнущим хлоркой. «Северное Приграничье... Высота «Вердом»...» Это были абстракции с карт в штабе её отца. Теперь она знала их истинную цену. Они измерялись в литрах крови, в метрах разорванных нервов, в днях, проведённых её пациентами в окопах, которые здесь называли «позициями». Этот конфликт не имел громкого, пафосного имени вроде «Войны за Независимость». Его называли просто «Пограничная Смута» или, официально, «Карланский кризис».

Пять лет назад Карланская Республика, то ли диктатура, то ли «управляемая демократия» с богатыми недрами и амбициями региональной державы, предъявила права на Приграничье — изрезанный холмами и ущельями регион, который столетие служил буфером между Карланом и конгломератом более мелких государств, позже объединившихся в Альянс Свободных Земель. Повод нашёлся исторический, пограничные инциденты — как всегда. Дипломатия трещала по швам, пока первый артиллерийский залп не положил конец дебатам.

Теперь Приграничье было чудовищной мясорубкой, где линии фронта месяцами не сдвигались ни на метр, а цена за каждый холм исчислялась десятками жизней. «Цитадель», развёрнутая в стенах брошенного Технического института, была одним из самых крупных хирургических госпиталей Альянса в этом секторе. Местом, куда свозили «сложных» пациентов после первичной обработки, где боролись не просто за жизнь, а за будущее солдата, как человека — за возможность ходить, держать ложку, чувствовать прикосновение. Место, куда её, Тори Тор, дочь генерал-полковника Лотара Тора, чьи приказы перебрасывали целые дивизии на этом самом Северном Приграничье, так отчаянно не хотели пускать.

Она начала свою службу здесь через публичный, сокрушительный скандал, который в штабных кругах потом до сих пор обсуждают шёпотом.

Отец, конечно, отказался визировать её рапорт «по собственному желанию», назвав его «истерикой образованной девицы». Она не спорила. Тори знала, что по четвергам у начальника Главного военно-медицинского управления, генерала Артовела — старого друга её деда — был приём по личным вопросам для офицеров. Прием для «особых ситуаций».

Она надела парадную форму. Начистила до зеркального блеска пуговицы. И встала в очередь в коридоре Объединённого штаба в Альтштадте среди капитанов и майоров с другими «особыми ситуациями».

Когда её вызвали, она вошла, чётко отрапортовала и, не садясь, изложила суть.

- Капитан медицинской службы Тор. Прошу санкционировать мой перевод в действующую армию, в распоряжение полевого госпиталя на участке «Цитадель». Моя специальность — сосудистая хирургия — там критически необходима. Моё непосредственное командование в лице командующего Северным Приграничьем, генерал-полковника Тора, считает эту просьбу непатриотичной и отказывает в визе, ставя личные представления о допустимом риске для меня выше служебной необходимости фронта.

В кабинете повисла тишина, настолько густая, что в ней зазвенело в ушах. Генерал, седой, с лицом, изрезанным шрамами ещё с Портовой войны, медленно откинулся в кресле. Его взгляд, острый, как скальпель, изучал её.

- Ваш отец?

- Да, генерал Тор. Но это не отменяет моего статуса, как офицера-специалиста и моего права на данное заявление.

- Вы понимаете, что это форма доноса? На собственного отца и командующего фронтом?

- Я понимаю, что это рапорт о невозможности исполнения служебного долга из-за неправомерного препятствия со стороны вышестоящего командира. По статье 41 Устава.

Он смотрел на неё ещё минуту. Потом взял рапорт, лежавший на столе с резолюцией отца «Отказать. Вернуть в распоряжение штабного госпиталя», и положил его в папку.

- Ждите решения. Вы свободны, капитан.

Решение пришло через сорок восемь часов. Не приказ, а телеграмма за тремя подписями. Её перевод в «Цитадель» был утверждён. С грифом «БЕЗ ПРАВА ОТЗЫВА ДО ОКОНЧАНИЯ КОНТРАКТА». Последняя фраза была стальным капканом, специально вписанным, чтобы генерал Тор не смог её выдернуть обратно при первом удобном случае.

Отца она увидела лишь раз — перед самым отъездом.

«Ты сожгла мосты, дочка. Не только между нами. Ты в присутствии Артовела назвала меня саботажником. Эту бумагу...» — он ткнул пальцем в копию телеграммы, — «...эту бумагу мне прислали с пометкой „к сведению“. Из Альгштадта. Из кабинета начальника Генштаба. Из-за неё на прошлой неделе сорвалось назначение моего лучшего офицера. Ты, одним своим „героическим порывом“, похоронила чужую карьеру. Надеюсь, твоя игра в полевого хирурга стоит этой цены».

Он не дождался ответа, развернулся и вышел.

Последними словами в опустевшем кабинете были её, тихо сказанные в пространство, уже лишённое надежды на диалог:

«Я и не рассчитывала, что ты поймёшь».

С тех пор она не звонила ему. «Цитадель» стала не просто назначением. Она стала крепостью, за стенами которой Тори отсиживалась от последствий собственной, беспрецедентной диверсии в самом сердце системы, породившей её. И каждый взгляд, каждый шёпот за спиной напоминал: здесь её терпят. Но пути назад нет.

Она оделась в чистое бельё и камуфляжную форму без погон. Взгляд упал на карту, приколотую к стене над столом — подарок одного из санитаров, бывшего учителя географии. На ней было схематично изображено Приграничье: синие стрелки Альянса, красные клинья Карлана, пунктир старой, никому не нужной теперь границы. Их госпиталь был отмечен крошечным чёрным квадратиком далеко в синем тылу. Но тыл здесь был понятием условным. Тот чёрный истребитель сегодня утром доказал это.

Тори присела на койку. Усталость накрывала снова, но теперь она была иной — тяжёлой, как броня.

Её отец, из своего кабинета в Белом Дворце, видел эту войну как шахматную доску. Капитан Рид и майор Коваль — как конвейер бесконечных страданий, который надо обслуживать.

Тот снайпер — как поле баллистических расчётов и одну точку прицеливания.

А она начинала видеть её по-своему. Как бесконечный поток разрушенной плоти, которую можно и нужно чинить. Не ради абстрактных «интересов Альянса» или «величия Карлана». А ради того, чтобы человек, чьи нервы она сшила сегодня, смог завтра почувствовать, как дует ветер.

Тори наконец легла, за окном, в серо-свинцовом небе Приграничья, на мгновение вспыхнула и погасла далёкая зарница — то ли гроза, то ли артобстрел где-то на линии фронта. Она закрыла глаза. Её руки, лежащие на одеяле, были спокойны и готовы. Вечером — снова дежурство. И где-то в этом же лабиринте из бетона и боли, под тем же грязно-свинцовым небом, спал — или не спал — тот, чья спина на три секунды стала для неё крепостью. Она не знала его имени, не запомнила. Она знала только, что он — снайпер. И что теперь она в долгу — за

подтверждение её ценности в самой чудовищной из возможных валют этого места: в холодной, расчётливой логике боевой эффективности.

Глава 2 Линия разреза

Следующая ночная смена началась с рёва мотора и криков у въезда.

Санитарный транспорт выгружал раненых. И первым из кузова, на залитых кровью носилках, вынесли его.

Тори, вышедшая на шум, замерла на пороге. Даже с расстояния в десять метров картина была ясна и ужасна: открытая, развороченная осколком травма груди и живота.

«Торакоабдоминальное», — быстро констатировала Тори.

Она знала — стандартные протоколы здесь не работают. Этого пациента нужно было прямо с носилок — на стол. Счёт шёл не на минуты, а на удары сердца.

Её внутренний хронометр, заведённый на тысячи смен, щёлкнул. «Золотой час» для этого бойца истёк сорок минут назад, где-то в поле, а сейчас у него максимум было «золотые десять минут», и каждая из них таяла на глазах.

Перед ней встал острый выбор и времени обдумывать его не было.

Взорваться действием сейчас, одной, пока Коваль спит?

Амбиции и азарт хирурга, видящего бездну, толкали её вперёд. Она уже сделала шаг, мысленно раскладывая этапы будущей операции: быстрая лапаротомия, поиск источника в брюшной полости, потом...

Ноги сами замедлили шаг. Её внутренний сценарий разваливался, не успев начаться. Один хирург, две полости, массивное кровотечение. Это было анатомически невозможно, она физически не успела бы добраться до грудной клетки, пока не будет взят под контроль источник кровотечения в брюшной полости.

Она рывком выхватила телефон из кармана халата, не отводя взгляда от дверей, куда только что скрылись носилки с тяжелораненым бойцом.

Тори выдохнула, отбросив гордость в сторону, как использованный бинт. Пальцы, холодные и точные, сами набрали короткий номер. Она приложила трубку к уху, и едва на том конце раздался сонный, но мгновенно насторожившийся хрип, выпалила, без «здравствуйте», без «извините»:

— Майор, Тор. Сортировка. Тяжёлый торакоабдоминальный, — её голос был плоским, без воздуха, — Не успею одна. Нужна вторая бригада. Немедленно.

На проводе возникла короткая пауза и в этой тишине за сотню метров было отчётливо слышно, как щёлкнул замок двери, а потом — тяжёлые, быстрые шаги по бетонному полу.

— Пациент на столе? — голос Ковалья был уже другим: чистым, сжатым, лишённым и тени сна.

— Да. Ждем в первом оперблоке.

— Пять минут. Готовь пациента.

Связь прервалась. Тори опустила телефон. Разговор занял меньше десяти секунд. Всё было сказано. Теперь — работа.

Операция длилась семь часов. Семь часов беззвучного, кроме редких скупых команд, симбиоза. Коваль атаковал грудную клетку, она вела своё сражение в брюшной полости. Это был не последовательный процесс, а два параллельных боя за жизнь, которые они проживали, разделённые стерильной простынёй, но связанные общим ритмом дыхания аппарата ИВЛ и тиканьем часов.

Когда на её стороне наконец показался относительно сухой участок, а Коваль рычащим шёпотом сообщил: «Лёгкое ушил, перикард дренировал. Стабилизирую», — Тори подняла глаза через перегородку.

— Резекция сделана. Селезёнка не держит, убираю. Печень тампонирую. Температура пациента падает, тридцать четыре и восемь.

Её голос звучал хрипло, констатируя факты. Коваль, не отрываясь от раны, ответил тут же:

— Понял. Ускоряемся. Зашиваем обе полости швами под будущую ревизию. Наша задача — остановить теплоотдачу и эвакуировать.

Это было не приказание, а стратегическое подтверждение. Они были двумя командирами на одном поле боя, координирующими финальный манёвр.

Когда последние, грубые, но герметичные швы легли на брюшную стенку и грудную клетку, а дренажи заняли свои места, в операционной воцарилась тишина, густая, как физическая субстанция. Ночь давно сменилась утром и за окном царил безликий полдень.

Коваль заставил себя выпрямиться, позвонки хрустнули. Он посмотрел на Тори поверх маски. В его взгляде была констатация факта равной выдержки.

— Считаем инструменты?

Лия тут же подтвердила: «Всё сошлось, майор».

— Хорошо. Иди, капитан. Я оформляю протокол и эвакуацию. Вертолёт в шестнадцать ноль-ноль по расписанию.

Тори не ответила, только кивнула и вышла в коридор, где тусклый дежурный свет после многочасовой искусственной ярости ламп показался неестественным, почти враждебным. Она сорвала с себя халат и прислонилась лбом к холодному стеклу. В груди не было гордости, только пустота, знакомая всем, кто выигрывает сражение, понимая, что война за этого человека только началась. Они дали ему шанс — грубый, временный, сшитый на живую нитку. Теперь этот шанс должен был улететь на вертолёте в тыл.

После перевода пациента Тори перебралась в реанимацию, устроилась на стуле у стойки медсестёр и уставилась на мониторы. Её мир сжался до зелёной кривой ЭКГ, цифр артериального давления и тихого шипения аппарата ИВЛ. Она пила горький, остывший кофе, заставляя себя бодрствовать, вылавливая малейшие изменения и дежурила у границы, которую они с Ковалем отвоевали у смерти.

Пришла новая смена, но она не двигалась с места, отлучилась лишь на несколько минут, чтобы умыться ледяной водой. К ней подошёл Коваль, он уже переоделся в чистый халат, но под глазами у него лежали тёмные тени.

— Тор, ты выжата как лимон. Иди спать. Это приказ. — В его голосе не было места для дискуссий.

— Вертолёт в шестнадцать. Я подожду, — ответила она, даже не оборачиваясь, её взгляд приклеен к монитору.

— Его доведёт реаниматолог. А ты мне нужна с ясной головой, а не в отключке. Последний раз говорю: на койку или я тебя туда отправлю под конвоем.

Тори медленно повернула голову. Она хотела спорить, но в его взгляде стояла та же усталая, железная непреклонность, которую она видела в операционной. Он был прав. Она была уже не врачом, а истощённым стражем, чья бдительность вот-вот даст сбой. Тори снова проверила мониторы. Кривые были стабильны, цифры не вызывали опасений. Пациент цеплялся за жизнь, кажется, цеплялся достаточно крепко.

Она беззвучно кивнула, поднялась со стула, мир на секунду поплыл. Коваль сделал шаг вперёд и проводил её до двери оценивающим взглядом хирурга, ставящего диагноз: «крайнее истощение».

— Шестнадцать ноль-ноль. Если его состояние позволит, отправим. Отчёт об эвакуации будет на моём столе завтра утром. Ты своё уже отстояла.

Тори вышла, не ответив. Его слова «ты своё уже отстояла» упали в пустоту за её спиной и жгли изнутри, как спирт на открытой ссадине. Это была правда, больше она сейчас ничего не могла.

В этот момент, когда она брела по коридору, путь ей перегородил снайпер. Он подошёл легко и бесшумно, власть над телом возвращалась к нему. Его оценивающий взгляд, скользнул по её лицу, задержался на дрожащих от перенапряжения пальцах.

— Капитан, — его голос вернул её к реальности.

Она медленно подняла глаза. Мужчина преградил путь, не приближаясь, но заполнив собой коридор.

— Я видел бойцов.

Тори остановилась, веки налились свинцом. Она ждала.

— Мне надо обратно. Снимите швы.

В его голосе был ультиматум, выданный на языке, который он понимал: целеполагание, помеха, устранение помехи.

— Нельзя, — её собственный голос прозвучал тише, чем она хотела. Тори сделала шаг вперёд, заставляя его отступить на сантиметр. — Десять дней. Иначе фасция не срастётся.

— Фасция, — он повторил, как ругательство. — У меня там ребята без прикрытия.

— Если шов разойдётся в окопе, вас не зашьют. Сепсис. Мёртвый снайпер — худшее прикрытие, — раздражение Тори наконец нашло точку приложения. — Станете обузой.

Он замолчал. Её тактика достигла цели. «Обуза» — это он понимал.

— Десять, — наконец выдавил он, и это прозвучало как плевок.

— Десять, — подтвердила Тори, не отводя взгляда. — Это не прихоть. Это — технический регламент.

Челюсть мужчины чуть дрогнула, он резко кивнул, развернулся и ушёл, не сказав больше ни слова, хотя его молчание было тяжелее любой ругани.

Она смотрела вслед удаляющейся по коридору фигуре, и её поражала не его наглость, а сама суть его требований. Этот человек рвался обратно в ад. Товарищи на линии огня были реальнее, чем любые медицинские протоколы и он был готов заплатить будущим здоровьем за возможность прикрыть их спины сегодня.

Тори отвернулась и усталость, отступившая на время их короткого диалога, накрыла её с новой силой, но спать она всё равно не могла. Нужно было движение, смена обстановки.

Тори побрела в приёмное отделение — пока оно было почти пустым, похожим на декорации перед спектаклем. Кто-то мыл пол, слышался тихий разговор у поста. И тут её взгляд упал на солдата, сидящего на скамейке у стены. Он пил чай из жестяной кружки, а на коленях у него лежала потрёпанная книга. Что-то фантастическое, судя по яркой обложке. Это было так непохоже на всё, что её окружало — этот островок мирной, почти домашней жизни посреди казённого ужаса.

Солдат заметил её взгляд, смущённо убрал книгу в рюкзак и встал, вытянувшись в безукоризненную, чуть уставшую стойку «смирно».

— Товарищ капитан! Старшина эвакуационной бригады Венс.

— Вольно, — махнула рукой Тори. Голос её звучал хрипло от усталости, но в интонации мелькнула лёгкая тень интереса. — Что читал, старшина?

— Да так... отвлекся, — он смущённо улыбнулся. Улыбка была простой и открытой, без тени той вечной настороженности, которую она видела в глазах всех в «Цитадели». Он явно не знал, кто её отец, не знал про «особый статус» и не видел в ней угрозы, только уставшего капитана.

— Можно присесть? — Тори кивнула на скамейку.

— Конечно!

Она опустилась рядом, чувствуя, как усталость разливается по телу. Молчание не было неловким.

— Тяжёлая ночь? — осторожно спросил Венс, протягивая ей термос. — Чай, если хотите, сладкий.

Тори кивнула и взяла термос. Глоток сладкого, обжигающего чая стал первым по-настоящему человеческим ощущением за последние сутки.

— Да, — просто сказала она. — Одного еле вытянули.

— У нас в бригаде тоже самое, — вздохнул Вэнс. — Везут, а ты смотришь на него и думаешь: доедет или нет. Иногда... не доезжает. Самый тяжёлый момент передавать их вам, как будто сдаёшь экзамен, за который сам получил двойку.

Он говорил без пафоса и в этой простоте была страшная правда. Тори смотрела на его руки — сильные, в царапинах, привыкшие таскать носилки под огнём.

— Откуда ты, Вэнс?

— Из-под Кастова, — он назвал имя небольшого городка, которое ничего не говорило Тори. — Там у нас дом был. Мама, сестрёнка. Теперь там линия фронта проходит. Они уехали, едва успели. А я... — он пожал плечами, — пошёл сюда. В «Цитадель». Потому что если не здесь, то где? Кто-то же должен забирать их с той самой линии.

Тори слушала, и в её душе что-то ёкнуло. Он был здесь по той же причине, что и она. Не из-за амбиций, не из-за долга перед фамилией, а потому что другого выбора не было. Потому что его дом был там, где теперь рвутся снаряды, и единственное, что он мог сделать — это вытаскивать с передовой тех, кто пострадал.

— Я понимаю, — тихо сказала она. И это была правда. Впервые за всё время здесь она говорила с кем-то, кого не окружала стена предубеждений или страха. Он был прост. И в этой простоте была невероятная сила.

— А вы, товарищ капитан? — осторожно спросил он.

Тори задумалась. Она могла бы сказать что-то общее, но не хотела.

— Я здесь, потому что не могу быть там, — сказала она, глядя в пар от чая. — А там, где я должна была быть... мне не было места. Вот и всё.

Вэнс не стал допытываться, просто кивнул, как будто принял этот ответ, как данность. — Ну, что ж... судя по тому, что вы вытащили того парня, — вы нужны. Очень.

Эти простые слова прозвучали для Тори как констатация факта того, кто видел результат её работы изнутри, с самой чёрной её стороны — со стороны тех, кого не довозят.

— Спасибо, Вэнс, — она встала, возвращая ему термос. — За чай. И за разговор.

— Всегда пожалуйста, капитан. Если что — я тут почти каждую ночь на подхвате. Эвак-бригада ночная, а днём отдыхаем.

Она улыбнулась — впервые за долгое время это была настоящая, не вымученная улыбка.

— Тори. Можешь звать меня Тори.

— Вэнс, — он снова улыбнулся в ответ.

Она пошла к офицерскому корпусу, но теперь внутри было не так пусто и тяжело, словно появилась точка опоры. Друг. Самый обычный, без всякого подвоха. Человек, который видел в ней не угрозу, не «сестричку», а просто Тори - хирурга, который очень нужен.

Ближе к вечеру, когда свинцовая усталость наконец сковала веки, а тело умоляло о паре часов забытья, в комнату капитана Тори ворвался резкий, гудок внутренней тревоги. Сухой, деловой сигнал общего сбора. Мозг, заточенный под войну, выхватил её из глубин сна прежде, чем она успела осознать, что заснула. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. Так собирали только по самому худшему поводу.

Конференц-зал, обычно пустой, был набит битком. Военные врачи, медсестры и медбратья, санитары стояли в проходах, прислонялись к стенам. Воздух гудел от приглушённого шёпота и скрипа ремней. Здесь были все: от седых, с обручальными кольцами на костлявых пальцах хирургов, выдавших виды, до молодых ординаторов. Тори протиснулась к стене, стараясь быть невидимой.

На сцену, не торопясь, вышел Начальник медицинской службы «Цитадели», майор Коваль. Глубокие борозды вокруг рта и на лбу говорили не о возрасте, а о тоннах челове-

ского горя, которые он пропустил через свои руки. Он не ждал тишины, а создавал её одним своим присутствием.

— Всем у кого текущая смена — доложить дежурным и вернуться сюда в течение пяти минут, — его голос, низкий и хриплый, без усилия перекрыл гул и стало тихо. — Остальным — внимание.

Он положил на кафедру ладони, широкие, с сильными пальцами и смотрел не на бумаги, которые принёс с собой, а в зал, сквозь подчинённых, в какую-то точку, которую видел только он.

— Получены и подтверждены оперативные данные со всех секторов, — начал он, отчеканивая каждое слово. — Эскалация на всех без исключения участках фронта достигла уровня «Шторм» и продолжает усиливаться. Ожидается смещение линии непосредственного соприкосновения в течение ближайших семидесяти двух часов в сторону «Цитадели». Возможны прорывы.

Он сделал паузу, давая этой информации вьестись в сознание, просочиться до костей. Тори почувствовала, как по спине пробежал холодный, липкий пот. «Прорыв». Это означало не просто больше раненых. Это означало хаос, панику, колонны беженцев под огнём и полный коллапс логистики.

— Поэтому наши рабочие процессы претерпят ряд изменений — словно продолжил её мысли начальник, — Первое: в ближайшие дни мы станем конечным пунктом для волны раненого личного состава, объём которой, по предварительным оценкам, в три - пять раз превышает нашу текущую расчётную мощность, госпиталь переходит в режим «чрезвычайной эксплуатации».

Он снова помолчал, его глаза скользнули по замершим лицам.

— И второе, — он произнёс это тише, но так, что каждое слово врезалось в сознание, — и это станет нашим главным вызовом... мы становимся первым и единственным медицинским объектом на пути вероятного потока гражданского населения.

В зале кто-то коротко, сдавленно выдохнул. Кто-то прошептал ругательное слово. Майор не отреагировал. Он просто ждал, пока эта картина — не абстрактная «гражданка», а реальные, окровавленные дети, плачущие матери, потерянные старики — встанет перед внутренним взором каждого. Тори тоже представила это и её желудок сжался в тугую, болезненный узел. Она была готова к осколкам в солдатских телах. К раздробленным костям. Но к ребёнку? К беременной женщине с проникающим ранением живота? Учебники молчали, а опыт мирного времени был беспомощен.

— Поэтому, — голос Полковника снова стал твёрдым, как сталь, — приказываю. К одиннадцати вечера сегодняшнего дня максимально развернуть коечный фонд. Освободить все послеоперационные палаты. Всех пациентов, чьё состояние позволяет передвигаться самостоятельно или с минимальной посторонней помощью, — передать далее в тыл или обратно в распоряжение частей. Всех. Без исключений и сантиментов. Во все свободные помещения, включая коридоры второго этажа, бывший спортзал, учебные классы, завезти раскладушки, матрасы и носилки. Хирургические отделения переходят на работу в три смены по восемь часов. Все плановые и отсроченные операции отменяются, пациентов отправляем на вертолёт дальше. С этого момента и до особого распоряжения наш алгоритм — «приём-стабилизация-эвакуация». Ваша задача номер один — не вылечить, а держать человека живым и транспортабельным. Всем ясно?

Раздались глухие, разрозненные «так точно», больше похожие на стон. Комендант госпиталя Грон, стоявший ближе всех к майору Ковалю кивнул, как будто этого и ожидал.

— Кроме того, — майор перешёл к последнему, самому неожиданному пункту, — по прямому указанию командования, кроме нашего «ангела», как называли в «Цитадели» их вертолёт, к нам полетят все остальные. Первые «вертушки» ожидаются через несколько часов.

Ваша цель — стабилизировать самого безнадёжного пациента настолько, чтобы он перенёс ещё два часа в воздухе до специализированного центра в глубоком тылу. Два часа - вот ваш лимит времени на чудо. Вопросы?

Вопросов не было. Было некоторое замешательство от того, что госпиталь, медленная, методичная машина по починке людей, вдруг превращался в гигантский сортировочный терминал и аэродром скорой помощи.

Для Тори слова обрушились лавиной, которая несла обломок её только что начавшейся жизни в «Цитадели». Развернуть койки и выписать всех, означало, что её первый пациент, тот самый, с чьим срединным нервом она вела четырехчасовую ювелирную битву, будет эвакуирован. Его только-только начавшаяся реабилитация, каждый день которой был расписан, прервётся. Его погрузят на вертолёт и увезут в тыл, в безликий центр и она никогда не узнает, прижился ли нерв, не увидит, дрогнет ли когда-нибудь его большой палец, не услышит, скажет ли он «спасибо». Её первая, выстраданная победа улетит в неизвестность, недоведённая до конца. Это было горько.

И второе, более жгучее осознание пришло следом. «Всех, кто может ходить».

Она почти побежала, сбивая с ног замешкавшегося ординатора, не обращая внимания на оклики. Сердце колотилось уже не от тревоги, а от какого-то глухого предчувствия.

Дверь в палату была распахнута. Койка у окна, где лежал её первый пациент, была пуста и заправлена. Будто его и не было. Только на тумбочке валялся скомканный бумажный стаканчик. Она замерла на пороге. Две из трёх коек уже были пусты. В палате остался только снайпер, уже полностью одетый в свой выцветший, пропахший порохом и пылью камуфляж. Вещмешок, туго набитый, лежал у его ног. Он смотрел не на приближающийся шторм за стеклом, а куда-то внутрь себя, и его профиль на фоне серого неба казался вырезанным из камня — жёстким, законченным, готовым.

Услышав её шаги, мужчина обернулся. Не сразу, а медленно, будто преодолевая инерцию мысли, занятой чем-то несравненно более важным. Его чёрные глаза встретились с её взглядом. И предвосхищая вопрос, который уже застыл у Тори на губах, он произнёс ровным, лишённым интонации голосом:

— Восемь дней, капитан. Приказ о массовой выписке. Я подхожу под критерий «переводится самостоятельно».

Тори почувствовала, как вся кровь отливает от лица, а потом приливает обратно, горячей волной. Бессилие и понимание, что она проиграла, не ему, а системе и войне. Этой безликой, чудовищной машине, которая своим железным катком смела её медицинские протоколы, её «десять дней», заботу о безупречном результате, попытку удержать этот идеальный, страшный инструмент от самоуничтожения. Войне было плевать на «идеальную форму». Ей нужны были тёплые тела на линии огня прямо сейчас.

Она попыталась что-то сказать, но горло сжалось и она лишь кивнула, коротко, резко, отвернувшись, чтобы скрыть дрожь в уголках губ. Сделала шаг к тумбочке, будто что-то проверяя, просто чтобы занять руки и не смотреть на него.

— Ваши документы... готовы? — выдавила она, и голос прозвучал хрипло, чужим.

— Так точно, — ответил он. Не «да», а военное, чёткое «так точно» и Тори осознала: мысленно он уже там, на том берегу реальности.

Тори вздохнула, собралась с мыслями и переключилась в режим «выписки».

— Под повязкой серебряная накладка. Менять её не надо, она на трое суток. Саму повязку, если намокнет или запачкается, можно сменить, не трогая накладку. Никаких нагрузок на правую руку. Не поднимать, не тянуть, не упираться. Только пассивные движения в локте — сгибать-разгибать, чтобы не было контрактуры. Если появится отёк, покраснение, пульсирующая боль или поднимется температура — это инфекция. Срочно к медику. Любому. Любой ценой. Понятно?

Он слушал, не мигая, впитывая, как прицельные данные.

— Понятно, — отчеканил он. — Трое суток. Без нагрузки. Контроль признаков инфицирования.

— Именно, — кивнула Тори.

Он стоял ещё секунду, взвешивая что-то, потом его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул мимо неё, по палате, по окну.

— А вы, — произнёс он тихо, — держитесь подальше от окон. Особенно в светлое время. Если пойдёт штурмовая авиация или артобстрел — они бьют по крупным зданиям, как «Цитадель». Стены толстые, а стекла — нет. И вертолётная площадка... это магнит для всего.

Он говорил на языке уязвимостей и угроз, обозначал вражеские цели в её тылу. Это был его профессиональный совет — снайпера хирургу.

— Ваши руки нужны раненым целыми, — заключил он. — Больше, чем мои десять дней.

Тори кивнула, не находя слов.

— Удачи, капитан, — сказал он и вышел.

Тори осталась одна. В голове гудели два наказа: её собственное — «три дня, без нагрузки» — и его, чужое, страшное — «держитесь подальше от окон». Оба были о сохранении. Он сохранял её как инструмент войны. Она пыталась сохранить его, как человека. В этой разнице была вся пропасть между ними и мост через неё, ...хрупкий, как шов нитью 8/0.

Приказ начальника сработал, как удар тока по спящему гиганту. «Цитадель» закипела, загудела и взорвалась движением. Это уже не был госпиталь — это был улей. По коридорам, гремя колёсами, катили десятки пустых коек, матрасы несли охапками, со складов выгружали пачки белья, капельниц, упаковки с бинтами. Звук пил и дрелей, возводящих перегородки в спортзале, смешивался с криками сержантов, отдающих распоряжения, и приглушённым гулом тревоги, витавшим в воздухе.

Тори ныряла в этот поток с головой. Не было времени думать, анализировать, переживать, только делать. Принимать решения за секунды: эту палату — под послеоперационных, этот коридор — под ходячих, здесь поставить стойки для капельниц. Она организовывала, переносила, указывала, помогала. Её форма мгновенно покрылась пылью. Мышцы ныли, спина гудела от напряжения, а в висках стучал тот самый предательский моторчик усталости, который она так и не успела заглушить сном.

К вечеру, когда основные приготовления были закончены и «Цитадель» преобразилась в лабиринт из коек и перегородок, готовый принять ад, Тори еле держалась на ногах. Она прислонилась к голой стене в опустевшем на минуту коридоре, закрыв глаза. Перед глазами плыли пятна от переутомления.

«Держитесь подальше от окон», — пронеслось в голове чьим-то чужим, хриплым голосом. Тори открыла глаза. Окно в конце коридора было чёрным квадратом ночи. Она отшатнулась от стены, почувствовав иррациональный, животный страх. Совет снайпера вонзился глубже, чем она думала.

В конференц-зале, теперь превращённом в штаб, собрались старшие офицеры отделений, чтобы утвердить новый график на трое суток вперёд. Воздух был сизым от табачного дыма и пах кофе. Лица у всех были серые и выжатые.

Капитан Рид вёл совещание, коротко и жёстко, раздавая приказы и разделяя участки ответственности. Когда очередь дошла до хирургического блока и ночных дежурств, Тори, собрав последние силы, сделала шаг вперёд.

— Я могу взять дополнительные смены. Ночные и вечерние. Я уже втянулась в ритм, — сказала она, и голос её, хоть и усталый, звучал твёрдо. Но прежде чем Рид успел ответить, вмешался старший ординатор, тот самый, что неделю назад с таким облегчением отдал ей все ночные дежурства.

— С разрешения, капитан, — он обратился к Риду, но смотрел на Тори. — Предлагаю составить график с равномерной ротацией. Учитывая, что капитан Тор полностью закрыла ночные дежурства прошлой недели и сегодня провела огромную работу по развёртыванию коек, было бы... несправедливо и нерационально нагружать её сверх меры. Её ресурс нужно беречь.

Рядом кивнул фельдшер, который тогда бурчал про «неадекватный график».

— Поддерживаю. Мы распределим. У всех есть силы. Капитан Тор своё уже отработала с лихвой.

Тори замерла, не веря своим ушам. Это не была снисходительность «генеральской дочке». Это было признание коллег. Они больше не отстраняли её, а включали её в общую схему обороны, но уже, как ценного специалиста, чью усталость учитывали.

Рид кивнул.

— Логично. Составляйте график с равной нагрузкой. Капитан Тор — в первую хирургическую смену завтра в восемь утра. До этого — отдых. Вопросы?

- Вопросы нет!

Через полчаса совещание закончилось. Тори вышла в коридор, где уже царила непривычная, тревожная тишина перед бурей. В ушах ещё звучали слова: «Её ресурс нужно беречь». Не «её», а «её ресурс». Даже их забота была высказана на языке эффективности, но это было больше, чем она могла желать. Она заслужила место в строю и право на отдых. Это, в условиях «Цитадели», было самой большой победой, которую она могла одержать в тот момент.

Сон был беспокойным, отрывистым, как плохая связь на рации. Сквозь дрему пробивался далёкий, навязчивый стук-стук-стук — её собственное сердце, он сливался с гулом воображаемых турбин, которые уже кружили в её сознании.

Она заставила себя погрузиться глубже, в тёмную, вязкую пустоту, где не должно было быть звуков. Сон был не картинками, а состоянием. Состоянием прицеливания. Она не видела его — она чувствовала его взгляд на своей спине. Холодный, неотрывный, как прикосновение дула к затылку. Не было страха, только абсолютная, парализующая ясность: он здесь. Где-то в этом же сне, в той же тьме. Он ждёт.

А потом — вибрация. Тончайшая, словно лопнула струна где-то в глубине вселенной. Не в её теле. В самой материи сна. Эхо её собственного шва, её победы, улетевшей в чёрный вертолётный гул. Победа была, но она была хрупкой, как тот нерв.

И сквозь эту вибрацию прорезался другой звук. Не гул, а нарастающий свист. Знакомый. Тот, что бывает за секунду до...

Тори проснулась от собственного рывка, пытаясь откатиться в несуществующее укрытие. Во рту — привкус гари и металла. Сердце колотилось. В ушах стояла реальная тишина утра, но в ней уже звенел тот самый, приснившийся свист. Это гудели лопасти вертолётов на площадке.

Тори откинула одеяло, встала и подошла к маленькому, мутному зеркалу. Под глазами — тени, но в уставших глазах горел не испуг, а понимание. Война входила в сны, значит, пора просыпаться и вставать в строй. Её место было не здесь, у зеркала, а там, в белом свете операционной, который скоро станет единственным способом разогнать эту липкую, серую тьму, наступающую из её собственного сна и из-за окон «Цитадели».

Госпиталь встретил рассвет в полной боевой готовности, но тишина длилась недолго. Сначала приглушённый рокот, потом нарастающий гул, и вот уже первая санитарная машина, а за ней вторая, третья, вываливали на опустевший плац перед сортировочным отделением чёрное, липкое месиво войны.

Но гражданских среди них не было. Не было испуганных детских глаз, не было тихих стонов стариков. Это был привычный ужас. Солдаты. Контрактники. Бойцы. С осколочными ранениями, пулевыми, ожогами, контузиями. Знакомая, страшная география разрушений на мужских телах. И работа закипела, точнее — потянулась. Длинной, нескончаемой, монотонной лентой. Смена Тори началась в восемь и растворилась во времени.

Щёлк — разрез бинтов. Гной, кровь, развороченная плоть.

Оценка.

Решение.

Её голос, сухой и чёткий: «Вторая операционная, готовьте», «антисептик, дренаж, следующий».

Движения автоматические, отточенные, мозг отключён, работает тело и профессиональная память в кончиках пальцев.

Операционная.

Белый свет, шум пилы по кости, шипение коагулятора, тупой стук молотка при остеосинтезе. Лия, молчаливая тень, подаёт нужный инструмент за мгновение до того, как Тори её просит. Алекс у изголовья стал словно статуей, всё его существо сконцентрировано на графиках жизненных показателей...

Четыре часа. Пять. Шесть. Перерыв — глоток воды, выпитый стоя у раковины, и кусок сухого печенья по дороге в следующую операционную. Следующий...

— Поверхностная рана головы, осколочная, первый стол!

Полный автоматизм: перекись, тампон, давящая повязка. Оценка: в сознании, сотрясение.

— Невролог свободен? Отлично, передаём. Освобождаем стол.

Тори сменила перчатки

— Ожог предплечья и кисти, вторая степень, ко второму!

Осмотр, оценка площади, обезболивание, гель, стерильная салфетка. Руки сами потянулись к бинту, а взгляд уловил движение в дверях.

- Третий стол — проникающее колото-резаное, бок, дренаж уже стоит, нужна ревизия и ушивание.

Тори кивнула, не отрываясь от бинтовки ожога:

— Принимаю, две минуты.

Из-за ширмы слышен приглушённый стон.

- Четвёртый? — бросила Тори через плечо.

— Закрытый перелом голени, шина уже наложена, ждёт рентгена и гипса.

— Обезболить, в очередь.

Мозг раскололся на четыре потока, руки доделывали повязку на ожоге, ноги уже готовы нести к столу с проникающим ранением, ухо ловило, как невролог за спиной коротко докладывает бойцу: «Пока всё чисто, отправляем в палату на сутки наблюдения».

Один выбыл из конвейера, на его место уже вкатили нового — молодого бойца, он тяжело, сухо кашляет, его ведёт санитар, говорящий в рацию: «Передаю, пульмонолог в пути, сейчас дадим кислород».

И в этой какофонии срочности, среди запаха антисептика, пороховой гари и бинтов, когда кажется, что ритм уже не может быть чаще, взгляд падает на вновь поступившего. Потому что «следующий» оказался другим...

В помещение вкатили носилки, и типичный для сортировки гул на секунду затих, сменившись взрывом шёпота, а потом — гулом нарастающего негодования. На носилках лежал человек в камуфляже грязно-песочного цвета, с нашивками карланских рейнджеров. Пулевое в шею, справа налево, навывлет. Он дышал хлипко и мокро, пузырясь кровью. Рядом с носилками, едва сдерживая ярость, стоял наш сержант, лицо в саже и царапинах.

— Пленный, что ли? — рявкнул кто-то из санитаров.

— Какой к чёрту пленный! — сержант плюнул. — Подобрали... Их экипаж наш «Фагот» сжёг. Всех, кроме этого. Он выжил. И нам приказ: доставить для допроса. Только он до допроса не дотянет похоже...

Тори уже стояла над носилками, её пальцы автоматически проверили пульс на сонной — слабый, нитевидный. Зрачки реагировали на свет, но взгляд был мутным, теряющим связь с реальностью. Счёт шёл на минуты и протокол в голове сработал быстрее мысли.

— В первую операционную. Немедленно, — её голос прозвучал ровно, нарушая гневную тишину.

Но прежде чем отдать следующие приказы, взгляд Тори скользнул вниз, на разорванный рукав формы. Там, среди грязи и запёкшейся крови, была нашивка — не только с эмблемой карланских рейнджеров. Рядом с ней, аккуратно пришитая, как это часто делают солдаты, находилась медицинская капсула-брелок. Сквозь прозрачное пластиковое окошко были чётко видны буквы: «O(I) Rh-».

Отрицательная. Универсальный донор наоборот. Самая дефицитная кровь. В «Цитадели» её было кот наплакал. И первая мысль — не «враг», а «дефицит». Потом — стыд от этой мысли.

В этот миг карланец зашевелился. Его глаза, до этого смотревшие в пустоту, медленно сфокусировались на её лице. В его взгляде не было ни ненависти, ни страха, только тупая, всепоглощающая боль и вопрос, который не нужно было озвучивать: «Сейчас? Уже?»

И Тори не думая, почти рефлекторно, слегка наклонилась над ним, блокируя своим телом полсотни враждебных взглядов, и очень чётко, медленно, положила ладонь ему на неповреждённую сторону груди, поверх камуфляжа.

Её пальцы слегка надавили — «я здесь, я вижу тебя».

Она встретила с его взглядом и коротко, почти незаметно кивнула.

«Я врач. Ты — мой пациент. Всё остальное — потом».

Тори почувствовала, как под её ладонью на секунду замерло, а потом с выдохом обмякло его тело. Не сдача, а — разрешение. Доверие на грани смерти. Раненный закрыл глаза.

Она шагнула к носилкам, наклонилась и сама, с силой, на которую не рассчитывала, рванула их на себя. Колёса скрипнули по полу. Это физическое действие, этот грубый звук заставили санитаров рефлекторно ухватиться за ручки.

Толпа расступилась от неожиданности.

Но путь к операционной преградили двое раненых бойцов — один с гипсом на ноге, опирающийся на костыль, второй с перевязанной головой — встали вплотную к дверям, заполняя собой проход.

— Куда везёшь эту тварь, док? — хрипло спросил тот, что с костылём. Он не угрожал, но его костыль был опущен древком поперёк двери, как шлагбаум.

Санитары замедлили шаг, колесо носилок упёрлось в порог. Раненый на носилках застонал, истекая кровью.

Времени не было ни на слова, ни на приказы. Тори, не отрывая взгляда от бойца с костылём, резко шагнула вперёд, вклинившись между ним и носилками.

— Пациент теряет сознание. Освободите проход. Немедленно! — её голос был низким и плоским, как лезвие.

Солдат не шелохнулся и тогда она навалилась всем весом тела на костыль, заставляя его руку дрогнуть и опуститься. На секунду их взгляды скрестились в сантиметре друг от друга. В его глазах она увидела понимание того, что эта женщина в запачканном халате сейчас пройдёт через него, если понадобится.

Он отступил. На полшага. Этого хватило. Тори рванула носилки и колёса перескочили через порог.

— Тащи! — крикнула она санитарам.

Пока они неслись по коридору, Тори, бежавшая рядом, отдавала приказы, не отрывая глаз от синеющих губ карланца. Счёт шёл не на минуты, а на десятки ударов сердца.

Они ворвались в предоперационную. Носилки с грохотом встали рядом со столом. Лия и Алекс уже были на местах, их пальцы летали над инструментами. Тори выпрямилась, её голос зазвучал громко, заполняя тишину белой стерильной комнаты:

— Лия, делай интубацию. Антибиотики широкого спектра. И срочно в банк крови: нужна О(І) отрицательная. Он универсальный реципиент.

Именно тогда, когда Тори мыла руки, дверь распахнулась. На пороге стояли майор Коваль и сержант. Их лица были красноречивее любых слов.

— Капитан, — голос Ковалья был ледяным. — Объясните, в чём дело?

— Он убийца! — нарушил субординацию сержант, резко шагнув вперёд. — Я видел, что они с нашими сделали! Его бы пристрелить, а не оперировать!

Тори увидела перед собой не Ковалья-хирурга, а Ковалья-офицера. Воздух наэлектризовало.

— Моё решение, майор, — сказала она чётко, продолжая предоперационную подготовку, — продиктовано статусом пациента. Угроза жизни от ранения. Необходимость неотложного хирургического вмешательства. Устав медицинской службы не делает различий по...

— Устав?! — рявкнул сержант не выдержав. — Он же карланец! Тварь!

— Тишина! — рёв Ковалья прибил его голос к полу. Он смотрел только на Тори. — Вы понимаете, капитан, что, спасая его, вы рискуете?

Сердце Тори колотилось где-то в висках. Она вспомнила слова отца: «Тори не отступают».

— Я понимаю, — её голос стал тише. Она закончила обработку и протянула вперёд руки, позволив надеть на себя стерильный халат — Но я - врач. Моя задача — бороться со смертью. Не выбирать, с кем. Если я начну выбирать... — она повернулась спиной, пока на шее завязывали тесёмки, — то завтра могу возомнить себя Богом. Это скользкий путь. В конце него — не медицина, а сортировка по ценности жизни.

На её руках щёлкнули перчатки и она подойдя к двери операционной чуть приоткрыла её плечом.

— Я несу ответственность за жизнь любого пациента, а чтобы обсуждать последствия, нужно сначала его спасти. Алекс, запускай инфузию. — сказала она, встречая взгляд своего анестезиолога. — Всё остальное, майор, после операции.

Тори скользнула в помещение, повернулась к столу и взяла скальпель. Этот жест был красноречивее любых слов. Спор окончен, началась работа.

Майор Коваль, помолчав секунду, резко развернулся и вышел, уводя за собой сержанта.

Перед Тори лежало не тело врага, а анатомическая задача. Сложная, почти безнадежная. Она сделала первый разрез. И мир снова сузился до белого света, скальпеля и тихого шипения коагулятора.

Ранение оказалось хуже, чем Тори думала. Пуля прошла в сантиметре от сонной артерии, порвав грудино-ключично-сосцевидную мышцу и краем зацепив трахею. Именно отсюда шло это пузырящееся, предательское дыхание. Каждый вдох через аппарат ИВЛ угрожал засосать в лёгкие скопившуюся кровь.

— Аспиратор, — её голос под маской звучал глухо, но чётко. — Лия, тампонируй. Медленно.

Она работала почти вслепую, в колодце из обрывков ткани, где каждое движение могло стать последним. Её пальцы, тонкие и цепкие, находили обрывки сосудов, перевязывали их, коагулировали. Время в операционной текло по-другому — не минутами, а миллилитрами потерянной крови, ударами сердца на мониторе, кристальными каплями пота на лбу коллег.

— Давление падает, — сухо доложил Алекс. — Пульс нитевидный, сто сорок.

— Ускоряем переливание, — не отрываясь от раны, бросила Тори. — И ещё плазмы.

Она знала, что это агония. Организм цеплялся за жизнь из последних сил, но массивная кровопотеря делала своё дело.

"Вот оно, — мелькнула у неё мысль, когда она накладывала шов на трахею. — Решение. Спасти его сейчас, на этом столе, — в её власти. Он может даже выжить. Но проживёт ли он завтра, когда проснётся в палате среди наших раненых? И выживу ли я, если он умрёт у меня на руках от послеоперационных осложнений?"

Она зашивала рану послойно, аккуратно, с каким-то почти ожесточённым упрямством. Каждый стежок был вызовом — смерти, Ковалю, тем, кто ждал за дверью и приковывал её к этому человеку ещё сильнее.

— Всё, — наконец выпрямилась она, чувствуя, как спина онемела от напряжения. — Постоянное наблюдение.

На мониторе билась слабая, но стабильная синусоида. Он был жив.

Операционная вдруг показалась Тори чужой. Даже верная Лия двигалась механически, избегая смотреть в глаза и молчала. Только сегодня в этой тишине звенела не просто усталость, а тяжёлое, новое знание. Тори только что пересекла линию, не ту, что на карте, а ту, что проходит между «своими» и «чужими» в сердцах людей.

Следующий...

Сортировка. Новые лица. Новые раны. Те же вопросы.

«Где болит? Шевельни пальцами. Как тебя зовут?»

Бесконечный конвейер боли, где человек на пять минут превращается в диагноз, в набор повреждений и задачу.

Свет за окнами тускнел, сменяясь искусственным, жёлтым светом ламп. Время потеряло смысл. Существовали только циклы: работа – краткий провал в неподвижность – снова работа. Тело ныло, руки в перчатках стали чужими, влажными, онемевшими. В голове стоял гул, в котором иногда проскальзывал обрывок мысли: «держишься подальше от окон»...

Тори стояла у сестринского столика в конце коридора, заполняя карту, спиной к большему, грязному окну, выходившему на пустырь. Пальцы онемели от усталости, цифры расплывались и вдруг раздавался хлопок — резкий, сухой, как лопнувшая автомобильная шина. И сразу за ним — звон, тяжёлый, грузный, гулкий град.

Тори рефлекторно пригнулась, уронив ручку. По полу, задевая её ноги, покатались десятки осколков — толстых, мутных кусков оконного стекла.

Через секунду коридор огласили крики, кто-то упал на пол, кто-то побежал. Тори медленно выпрямилась. На том месте, где секунду назад было окно, зиял рваный чёрный проём, обрамленный зубчатыми остатками стекла. В раме торчал, дрожа, длинный осколок — метра полтора, как занесённое для удара копьё. Через проём вкатился ветер, пахнувший гарью и холодом.

К ней подбежала перепуганная медсестра.

— Что случилось? Это атака?

Тори покачала головой, её взгляд упал на пол. Среди осколков валялся булыжник размером с кулак, обёрнутый в обрывок газеты. Примитивно. Почти по-детски.

— Нет, — ответила она. — Похоже, это просто камень из катапульты безнадёги.

Она посмотрела на этот камень, потом — на то место у стены, где она обычно стояла, переводя дух. Там сейчас лежала груда стекла. Осколок-копьё указывал прямо на неё.

Совет снайпера перестал быть метафорой. Он стал фактом, вонзившимся в реальность вместе с этим камнем. Угроза обрела форму, вес и траекторию.

Когда она стояла, прислонившись к косяку двери в стерилизационную, пытаясь заставить мозг скомандовать ногам идти дальше, её взгляд упал на дверь в приёмную.

Дрожь, на этот раз не от усталости, а от того самого страха, пробежала по спине. Остаться здесь, на этом островке тишины, стало невыносимо. Казалось, тишина ждала следующего камня, следующего хлопка.

Мозг, отравленный адреналином, выдал единственный логичный в её мире выход, если нельзя спрятаться от угрозы – нужно заткнуть ей глотку работой. Тори грубо оттолкнулась от стены и почти побежала по коридору обратно, навстречу гулу сортировки – туда, где её страх растворялся в монотонном рёве конвейера спасения и гибели.

Там, среди мельтешения халатов и носилок, стоял Вэнс. Его форма была в грязи и разводах, лицо — серое от усталости, но он, заметив её, подмигнул. Одно быстрое, почти мальчишеское движение. И крикнул, перекрывая шум, но не громко, а так, чтобы услышала только она: — Эй, капитан! Где наша не пропадала, а?

И он исчез, растворившись в потоке, унося на носилках очередное тело.

Тори осталась стоять. И парадокс — после этого дурацкого подмигивания в груди, сжатой комом усталости, что-то дрогнуло и отпустило. Стало физически легче. Не перестала болеть спина, не ушла тяжесть с век, но внутри, где сжался холодный, твёрдый ком страха, появилась крошечная трещинка. Сквозь неё пробился воздух. Простой, человеческий, непахнущий кровью и антисептиком.

Она не улыбнулась, не было сил, но уголки её губ непроизвольно дрогнули.

Смена закончилась так же внезапно, как и началась — поток у ворот сортировки наконец иссяк, превратившись в редкие, одиночные машины. Тело Тори тут же напомнило о себе вселенской усталостью. Каждый шаг от операционного блока к выходу давался с усилием, будто она шла по вязкой глине.

Она вышла не через главные двери, а через чёрный ход — в узкий, дворик между корпусами, где курили в перерывах санитары. Тори прислонилась к шершавой кирпичной стене, закрыла глаза и просто дышала, пытаясь не думать ни о чём, но за веками тут же вставали кадры дня — окровавленные бинты, бледные лица, белый свет ламп.

Тихий звук — металл о камень. Она открыла глаза.

В паре метров от неё, в тени выступающей вентиляционной шахты, стоял Вэнс. Он тоже прислонился к стене, запрокинув голову, и его профиль в сумерках чуть белел на фоне серого камня. В его руке белел знакомый жестяной цилиндр. Он отпил, сгорбившись, будто эта простая тяжесть была последней каплей.

Услышав её шаг, он повернул голову, не меняя позы.

— Капитан, — голос его был хриплым от дыма и молчания.

— Вэнс, — откликнулась Тори, и её собственный голос прозвучал непривычно.

Он подошёл и молча протянул ёмкость. Движение было неторопливым, с ноткой невысказанной заботы. Она сделала шаг навстречу и приняла её. Чай внутри был тёплым и сладким. Тори отпила большой глоток. Сладость обожгла пустой желудок, но странным образом успокоила что-то внутри.

— Спасибо, — сказала она и вернула цилиндр обратно в протянутую руку. Он взял, снова пригубил, глядя куда-то в пространство над крышами, где уже зажигались первые, тусклые звёзды, невидимые из-за светомаскировки.

— У тебя... как там? — спросила Тори.

Вэнс медленно выдохнул, и пар от дыхания смешался с паром от термоса.

— Будет хуже, — сказал он просто, без драмы. — Чувствуется. Не единично идёт, а... потоком. Готовят что-то... — Он не договорил, махнул рукой, словно отгоняя мошкарку. — Твои сегодняшние... двое не доехали. Ещё в машине. Я только что из гаража, отмывался.

Он сказал это ровно, но Тори поняла и ничего не сказала. Что можно сказать? Молчание повисло между ними, но оно не было неловким, оно было общим. Они стояли у одной стены, дышали одним воздухом, несли один и тот же груз, только на разных этапах конвейера.

— А твой... тот, первый, с рукой? — неожиданно спросил Вэнс, всё так же глядя в темноту.

Тори вздрогнула. Она почти забыла в водовороте дня.

— Улетел на вертолёте в тыл.

— Значит, выиграл лотерею, — Вэнс хрипло крикнул, в его голосе мелькнула тень чёрного, солдатского юмора. — Хуже, когда в нашей лотерее проигрывают. Никакого тыла, одна «Цитадель» да канава у дороги.

Он снова отпил, потом поставил термос на землю, достал из кармана смятую пачку сигарет, мотнул ей в знак предложения. Тори покачала головой. Он закурил сам, и тлеющая точка в темноте стала ритмично то вспыхивать, то тускнеть.

— Я сегодня одного парнишку нёс, — вдруг сказал он, голос стал тише, будто говоря не ей, а тлеющей сигарете. — Лет двадцати, наверное. Лицо — совсем ребёнок. И он всё спрашивал: «Я жить буду? Доктор, я жить буду?»

Вэнс затаился, кончик сигареты вспыхнул.

— А у меня уже кровь через носилки капала. Прямо на сапоги. И я ему говорю: «Конечно, будешь. У нас тут есть капитан-хирург — из клочка тряпки человека соберёт». Врал, конечно. Но он поверил. Улыбнулся даже.

Вэнс замолчал, сигарета дрожала в пальцах.

— А потом я его сдал в сортировку, и он... всё смотрел на меня. Будто я ему не помощь обещал, а чудо.

Вэнс замолчал и тлеющая точка задрожала в его пальцах.

— Знаешь, — тихо сказала Тори, и голос её прозвучал непривычно исповедально в этой темноте, — я тоже... нарушила правило. Святое. Сроки. Пациент был выписан под моей подписью на восьмой день. Через восемь, Вэнс. С риском, что шов на фасции разойдётся от первой же отдачи или рывка. Я... просто подписала бумаги и отпустила его.

Она ждала осуждения, недоумения, вопросов. Вэнс лишь медленно выдохнул дым.

— Кого? — спросил он одним словом, потому что в логике «Цитадели» важнее всего был статус.

— Тот снайпер. С плечом. Тот, что...

— Кей Сайфер, — перебил её Вэнс. Окурок в его пальцах замер. — Твою ж мать. Так это он у тебя был? Легенда.

— Легенда? — Тори не поняла. Вэнс сделал паузу, затаился. — Ну да. Призрак. С Первой Граничной ещё воюет. Четыре года, Тори. Четыре. И за всё это время — ни одной царапины серьёзной. А тут — в руку...

Он затаился, выдохнул дым струйкой.

— Он в госпиталь пришёл — потому что только тут могут починить его главный инструмент. И это сделала ты, так что да, ты у него в авторитете. Допустил.

— Допустил? Он меня «сестричкой» обозвал!

Вэнс пожал плечом.

— Для него все, кто не цель — «сестрички», «братишки». Фон. Он с людьми... не общается.

Пауза. Затажка.

— Слухи ходят... Говорят, в самом начале его городок накрыло. Вся семья. Он не за Альянс воюет. Он просто сводит счёты. Пока не кончатся... или его не прикончат.

Тори представила этот одинокий механизм возмездия, который она держала в руках, зашивала и... отпустила обратно в эту бесконечную ночь. Её «нарушение» — выписка через восемь дней — теперь казалось частью какого-то страшного ритуала.

— Так что не терзайся, капитан, — голос Вэнса вернул её к реальности. Он бросил окурок, раздавил. — Ты не нарушила правило, а выполнила задачу, вернула системе один из самых

опасных её инструментов. Война тебе за это только спасибо скажет. Ну, то есть не скажет, но... ты поняла.

Да, она поняла. Всю свою предыдущую жизнь она мыслила категориями «спасти человека». Здесь, в «Цитадели», категории были иные: «вернуть в строй эффективную единицу», «сохранить стратегический инструмент» и Кей Сайфер был похоже высшим проявлением этой логики.

— Я ещё вражеского солдата прооперировала..., — проговорила Тори в темноту, словно продолжая тяжёлую мысль вслух.

Вэнс замер с термосом на полпути ко рту, но медленно опустил его.

— Я знаю, все знают... Ну и? — спросил он без всякой интонации. — Врачам что, теперь выбирать, кого резать?

— И он умер в итоге. Тромбоэмболия.

Вэнс пожал одним плечом, сделал глоток.

— Бывает. С кем не бывает?

— Бывает со всеми, но теперь все смотрят на меня так, будто я не просто ошиблась, будто я предатель, который ещё и не справился. Потратила ресурсы зря. — В её голосе прозвучала горечь, которая копилась всё это время.

Вэнс вздохнул, поставил термос на землю, снова полез за сигаретой и закурил.

— Послушай, капитан, — сказал он, выдыхая струйку дыма. — Ты — хирург. Ты сделала свою работу. Он — солдат, делал свою. И умер. Как солдаты умирают. Всё по правилам. Какая разница, с какой он был стороны, если ты его уже взяла на стол? Ты что, могла его специально зарезать?

— Нет, конечно! — Тори даже вздрогнула от такой прямолинейности.

— Вот и всё. — Вэнс махнул рукой. — Значит, не твоя вина. Случайность. Так что не забивай голову.

Он встал, отряхнулся.

— Проводить?

Тори покачала головой, но теперь её мысли были далеко. «Случайность...». Всё в её работе было выверено, предсказуемо. Случайность — это то, чего она не терпела. Она должна была знать. Увидеть своими глазами, где та самая точка, в которой её безупречная работа превратилась в провал.

— Нет, — сказала она твёрже. — Я пойду одна.

Вэнс кивнул, повернулся и растворился в темноте, оставив её одну у стены с неразрешимым внутренним вопросом, который теперь требовал материального подтверждения.

Тори пошла не в казарму, а в подвал движимая профессиональным зудом. Той самой внутренней потребностью, которая заставляет хирурга пересматривать записи операции снова и снова, искать тот единственный миллиметр, который мог всё изменить.

Морг «Цитадели» дышал сыростью и формалином. Тори стояла у стола не как свидетель, а как соискатель. Она потребовала у майора Векслера присутствовать на вскрытии, для аутопсии собственной работы, чтобы её глаза нашли разрыв между замыслом и результатом.

Векслер, человек-протокол, кивнул — молчаливое согласие коллеги, граничащее с профессиональным любопытством. Его глаза чуть сощурились, мол, «посмотрим, что ты натворила».

Он вскрывал методично, без эмоций, комментируя для истории и для неё. Тори слушала, но её взгляд сканировал не только свежие швы её работы. Он изучал всё тело. Карту всей войны на этой молодой коже.

Шрам на колене — похоже, осколочный, застарелый. След от ожога на предплечье. И вот... то, что заставило её дыхание на мгновение остановиться — старый, аккуратный, почти

хирургический рубец на левом предплечье, чуть ниже локтя. Он не походил на хаотичный след поля боя, был слишком линейным, слишком чистым, как после плановой операции.

И как раз в том месте, о котором рассказывали на лекции по полевой анатомии и скрытому носительству.

Её пальцы в перчатках сами потянулись, опередив мысль. Она коснулась рубца через тонкую латексную перчатку.

— Майор, можно внимательнее здесь?

Векслер поднял бровь.

— Старый шрам, — констатировал Векслер, уже отводя руку. — Не имеет отношения.

Тори не отвечала. Её взгляд прилип к слишком аккуратному рубцу. Рубец, который она видела раньше. Не на трупах — на живых. Во время того курса, на той лекции... Инструктор с таким же бесстрастным лицом, как у Векслера, показывал слайды: «Современные носители информации требуют не подкожного, а фасциального или мышечного кармана. Доступ — по линии Лангера, шов после извлечения почти неотличим от старого травматического рубца. Ищите несоответствие» .

И здесь оно было.

— Имеет, — её голос прозвучал глухо даже для неё самой. Она протянула руку, пинцет дрогнул в пальцах от усталости. — Это не шрам. Это — дверь. И мне нужен ключ.

Векслер покачал головой:

— Идентификационный чип?

— Я видела, как их вживляют, — отрезала Тори, не в силах и не желая объяснять, где и когда. — ID-чип — это подкожная капсула размером с рисовое зерно. Это... — она провела пальцем по линии рубца, — ...глубже. Мышца или фасция. И рубец длиннее. Для чего-то большего, чем имя и номер.

Она взяла скальпель, чтобы показать. Векслер молча кивнул, отступив на полшага — давай, удиви.

Её разрез был ювелирным, точно по старому рубцу. Не было крови — лишь плотная, фиброзная ткань. И под ней... гладкая, синтетическая капсула. Размером с ноготь мизинца. Она извлекла её пинцетом. Объект был чист и явно не биологического происхождения.

В полной тишине морга он мягко упал в металлический лоток.

Векслер присвистнул.

— Что это, чёрт возьми?

— Носитель данных, — тихо сказала Тори, её догадка, рождённая на стыке памяти и инстинкта, обретала пугающую форму. — Это для информации, которую нужно сохранить даже после гибели. Этот человек не был простым солдатом.

Она не спросив разрешения, понесла лоток в соседнюю лабораторию, где стоял сканер для электроники. Векслер шёл за ней, его профессиональное безразличие дало трещину.

Процесс занял двадцать вечных минут. Когда на экране поплыли не строки текста, а сетки координат, условные знаки в виде треугольников (мины) и крестов (проволочные заграждения), Тори почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она оперлась о стол.

— Карты минирования, — пробормотал Векслер, его глаза за стёклами очков сузились. — Сектора... Боже, это же участки будущего наступления. Те самые «зелёные зоны» на наших картах.

Он посмотрел на Тори не как на провинившегося капитана, а как на странное, необъяснимое явление.

— Вы... вы это предвидели?

— Нет, — голос её был хриплым от сдержанных эмоций. — Я хотела найти, где ошиблась. Почему он умер. Я искала свою неудачу. — Она посмотрела на чип, лежащий на столе.

Крошечный кристалл, стоивший человеку жизни, а ей — репутации. — А нашла... его миссию. Даже мёртвый, он её выполнил. Только не для своих, а для нас...

Она замолчала, понимая, что её собственная неудача стала ключом к чужим секретам.

Векслер уже хватал телефон, чтобы звонить коменданту Грону. Тори не слушала их разговор. Она смотрела на свои руки, которые только что извлекли не ошибку, а стратегическую информацию.

Она не ошиблась в операции. Она ошиблась в понимании цели, когда думала, цель — человек. Оказалось, цель — данные, которые человек нёс в себе. Война просто использовала её скальпель и её упрямство, как ещё один инструмент в цепочке.

Через час к ней в ординаторскую, где она заполняла карты, зашёл Коваль.

— Чип отправлен в штаб фронта. Предварительная проверка показывает, что данные выглядят достоверно. Если они подтвердятся... — он сделал паузу, — вы только что спасли больше жизней, чем за все предыдущие смены вместе взятые. Станным образом. Через смерть.

— Это не я спасла. Это... совпадение. Слепая удача.

— На войне, капитан, слепой удачи не бывает. Бывает неочевидная логистика. Вы оказались нужным звеном в нужное время. Не как милосердный хирург. Как... транспортное средство для информации. — Он повернулся к выходу. — Поздравляю. Вы только что получили повышение в понимании того, как здесь всё устроено. Только не забывайте — понимание здесь часто дороже умения. И опаснее.

Дверь закрылась. Тори подошла к умывальнику и долго, до боли, тёрла руки, хотя они были чисты. Она смотрела в зеркало. Отражение смотрело на неё глазами человека, который только понял, что спасение жизни может быть побочным продуктом, а главная ценность заключена в чём-то ином.

На следующий день шепоток в «Цитадели» изменился. Осуждающие взгляды стали сложнее: в них появилась тень невольного уважения. О ней говорили:

— Слышал, у того карланца... внутри карта была. Секретная.

— Говорят, она знала. Чутьём.

— Не знала. Но... сделала всё, чтобы он «доехал». До вскрытия. Странная она. Везучая. Или проклятая.

Тори слышала эти перешёптывания, ловила на себе взгляды. Раньше они задевали, а теперь она анализировала их. «Везучая. Или проклятая». Оба определения были полезны, они создавали дистанцию и были разновидностью защиты. Она больше не была просто «генеральской дочкой» или «предателем».

К ней подошёл тот самый сержант, который вчера предлагал пристрелить её пациента, а не оперировать.

— Капитан... эти карты. Они... проверяются. Если всё правда... то вы... — он не нашёл слов, скомкал фуражку в руках. — Спасибо. Наверное.

— Ситуация разрешилась оптимально, — констатировала Тори. — Враг мёртв. Ресурсы потрачены, но добытая информация перевешивает потери. Я оказалась полезна системе в неожиданном качестве...

Сержант смутился.

- Ещё что-то хотите добавить? Нет? — Она выдержала паузу, глядя на его скомканную фуражку. Её голос был ровным. — Тогда свободны, сержант. И впредь — не мешайте транспортировке ценных активов.

Он побледнел, резко кивнул и выскочил из коридора.

Оставшись наедине с собой Тори подошла к окну, она смотрела на чёрный квадрат ночи, и её отражение в стекле казалось ей чужим — спокойным и холодным. Рука сама потянулась,

чтобы опустить штору, подчиняясь чужому приказу, уже вшитому в её подсознание. Но пальцы замерли в сантиметре от шнура.

«Держитесь подальше от окон».

«Торы не отступают».

Два голоса. Один — из вчерашнего кошмара и трезвой тактики. Другой — из детства. Рука повисла в воздухе и медленно опустилась, не коснувшись шторы.

Тишина палаты, где больше не спал снайпер, звенела в ушах гулким эхом. «А что ты в себе носишь?» - почему-то подумалось Тори, про него и про саму себя.

Она носила в себе скальпель, который мог быть ключом. Усталость, которая стала броней. И понимание: её война теперь велась на двух фронтах — за жизнь против смерти, и за смысл — против бессмысленности машины. И на обоих отступление было равно поражению.

Это и было рождение. Страшное. Необратимое. Её собственное.

Глава 3 "15:45"

Свинцовая усталость стала её второй кожей, плотной и неосязаемой, как скафандр. Шестьдесят семь дней в режиме «чрезвычайной эксплуатации». Тори научилась спать стоя, есть на ходу, а её руки в перчатках совершали сложные танцы с инструментами даже тогда, когда сознание уже отключалось, плывя в белой мути переутомления.

«Цитадель» превратилась в единый, гудящий организм, который не знает покоя.

Именно в один из таких моментов механического забытья, когда она, прислонившись к стерилизатору, пыталась силой воли заставить зрение сфокусироваться на этикетке с антисептиком, к ней подошёл ординатор.

— Капитан Тор, вас немедленно к майору. — Голос молодого мужчины пробился сквозь белую муть в её голове. Шестьдесят семь дней в режиме «чрезвычайной эксплуатации» подготавливали её к одному: если вызывают «немедленно» — что-то сломалось.

Кабинет начальника был завален папками и рентгеновскими снимками. Майор Коваль не сидел за столом, а стоял у карты, на которой красные и синие стрелы сплелись в мёртвый узел. Услышав её шаг, он обернулся. Его лицо, всегда каменное, казалось, впитало в себя всю серую пыль «Цитадели».

— Капитан. Садитесь, - он указал на кресло у стола, но она не шелохнулась.

— Я постою, — голос Тори прозвучал хрипло, потому что сесть означало дать усталости свалить себя с ног.

— Как вам удалось, — Коваль отложил указку, — отличиться настолько, что о вас запросили лично?

Вопрос повис, острый и неожиданный. Тори почувствовала, как по спине пробежал холодок. «Запросили».

— Я выполняла свои обязанности, — ответила она, с трудом подбирая слова.

— Вы существенно превысили свои возможности, — поправил он. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по её лицу, задержался на тёмных, ввалившихся кругах под глазами, на едва заметной дрожи в кончиках пальцев, прижатых к швам халата. — Я фиксировал вашу работу по сверхнормативному развёртыванию. И вашу... упорную настойчивость с тяжёлыми пациентами.

Тори молчала. Мысль о Кее Сайфере, об его уходе на восьмой день, до сих пор жгла её изнутри тихим, тлеющим стыдом. Победа, которая пахла поражением.

— Теперь ваша настойчивость требуется в другом месте, — Коваль подошёл к столу, взял листок с печатью. — Приказ из штаба МСБ. Формируется группа для выдвижения в Велен. Серая зона, сорок километров. Артобстрел три дня назад. Раненые гражданские: старики, дети. Фельдшер убит.

Он сделал паузу. Слово «дети» упало между ними, как гиря.

— Мне нужен хирург для работы в грязи. Тот, кто не сломается. — Майор посмотрел на неё. Его взгляд был лишён обычной каменной бесстрастности; в нём читалась трезвая, безрадостная арифметика командира, пересчитывающего скудные ресурсы. — У меня нет свободных хирургов с полевым опытом. Вы — единственная, у кого руки нужного класса, а главное — кто, судя по всему, сам рвётся в бой.

Его взгляд упал на её руки, произвольно сжимающие швы халата.

— Я вижу, вы боитесь, капитан. Не пуль. Вы боитесь, что в поле ваши знания окажутся теорией, что не хватит стерильности, света, времени. Правильный страх. Он и есть маркер. Тот, кто его не чувствует — либо дурак, либо уже мёртв. Дураков я не посылаю.

Он сделал шаг ближе.

— Я знаю, кто ваш отец и знаю, что для вас это будет не просто командировка. — Он говорил ровно, без упрёка, констатируя факт. — Здесь, в четырёх стенах, вы всегда будете под колпаком. Там, в поле, вы будете просто хирургом. Единственным хирургом на сорок километров. Риск — запредельный. Вертолёт не рассматриваем, в серой зоне их сейчас сбивают пачками, да и садиться некуда, все поля заминированы или под прицелом. Грузовик — медленнее, но незаметнее. И у вас будет хоть какая-то броня под боками. Это шанс делать работу без оглядки на фамилию, который я могу вам дать. Вы можете отказаться и остаться здесь, где вас всегда будут видеть сначала генеральской дочерью, а потом — капитаном медицинской службы.

Он протянул ей ещё не подписанный им приказ.

— Решение за вами. И... я ставлю на вас не потому, что вы дочь генерала, а вопреки этому.

Внутренний страх, который поднялся в горле, был густым и солёным. Начальник был прав, она боялась своей беспомощности. Боялась, что встанет над ребёнком с осколком в животе, а её руки, такие уверенные на солдатских телах, задрожат. Боялась, что знания, вызубренные в тыловых академиях, окажутся беспомощным лепетом перед реальностью. Учебники молчали о том, как смотреть в глаза матери, когда понимаешь, что сделать уже ничего нельзя.

— Я... — начала она, и голос сорвался. — Я не полевой хирург.

— А кто здесь полевой? — резко перебил Коваль. — Я? Старший ординатор? Мы все — тыловые крысы, которых война загнала в эту бетонную нору. Но кто-то должен выйти. Вы показали, что можете принимать решения под давлением. Даже неправильные. — Он имел в виду операцию карланца. — Иногда неправильное решение здесь — единственно верное там. Вы едете?

Тори молчала.

Отказаться — значит не просто струсить. Значит предать ту самую причину, которая привела её в «Цитадель». Признать, что её принципы, её «десять дней», её стерильная точность — всего лишь удобная ширма, за которой можно прятаться. Дрожь в руках не утихла, но внутри что-то перемкнуло. Страх никуда не делся, он просто упал на дно, превратившись в плотную, тяжёлую основу для решимости.

— Когда выезд?

— Через два часа. Вас экипируют. С вами будет старшина Вэнс — он знает дорогу и местность. — Майор слегка наморщил лоб, словно вспоминая что-то важное — Да, прикрывать на обратном пути будет ваш знакомый. Кей Сайфер. После выписки его временно оставили для усиления охраны периметра. Теперь решили использовать по назначению.

Кей. Его имя прозвучало как звук отщёлкивающегося затвора. Тори кивнула, не в силах ничего сказать. Облегчение? Нет. Возможность. Шанс увидеть свою работу, свой шов в условиях, где он должен был разойтись. Проверить.

— Вопросы? — спросил Коваль.

— Что в полевом комплекте? Перечень и количество.

— Комплект ограниченный, но универсальный. Обезболивающее, антибиотики, перевязочные, базовый хирургический набор. Всё, что можно унести на себе. Ваша задача — сортировка, экстренная стабилизация и подготовку к эвакуации. Не геройство, капитан. Чистая механика. Понятно?

— Понятно.

Через час она стояла в складе МСБ, и угрюмый сержант-вещевик, выдавал ей снаряжение. Бронежилет, который давил на плечи своей тяжестью, каска, съезжавшая на глаза. И, наконец, медицинский рюкзак. Она расстегнула его, пробежалась глазами по содержимому: скальпели, зажимы, шовный материал, упаковки бинтов, ампулы. Всё это было жалкой, игрушечной

пародией на её царство в операционной. Не было ни белого света, ни тишины, ни Лии, подающей инструмент за мгновение до просьбы. Не будет и нормального стола.

Она примерила рюкзак, застегнула лямки. Он был непривычно лёгким и в то же время тесным, как панцирь. Отныне её мир сузился до этих размеров и в этом мире ей предстояло быть хирургом.

Тори вздохнула, поправила каску и вышла из склада на плац, где уже ждал грузовик с потускневшим красным крестом на боку. Вэнс, прислонившись к кабине, курил, глядя в серое, низкое небо. Увидев её, он швырнул окурок, раздавил его сапогом и коротко кивнул. В его усталых глазах не было удивления, только та же самая, знакомая готовность.

— Поехали, капитан? — спросил он, и в его голосе сквозь усталость пробивалась твёрдая нота человека, который знал дорогу в ад и обратно.

Тори кивнула, взялась за холодный поручень и втянулась в кузов.

«Цитадель», её бетонные стены, её гудящие коридоры и белый свет операционных — всё это осталось снаружи. Впереди была только дорога, серое небо и тишина, в которой уже угадывался далёкий, низкий гул войны.

Грузовик тронулся с рычанием, и бетонные стены госпиталя поплыли за бортом, превратившись сначала в серую громаду, а потом — в расплывчатое пятно на горизонте. И тут Тори поняла: она не выезжала за периметр с того самого дня, как прибыла сюда. Её мир семь недель состоял из бетонных коридоров, запаха антисептика и белого света ламп. Теперь этот мир закончился.

Сначала было просто пусто. Степь, серая, бесконечная, утыканная редкими, обгорелыми скелетами деревьев. Дорога — не дорога, а колея, выбитая в глине, заставлявшая грузовик крениться и подпрыгивать на каждой кочке. Каждое подбрасывание отзывалось тупой болью в уже ноющей спине Тори. Она сидела на жёсткой лавке в кузове, спиной к кабине, лицом к пустому пространству за открытым брезентом. Ветер, холодный и резкий, бил в лицо, задувая под каску.

А потом пришли звуки.

Из «Цитадели» война доносилась приглушенно: далёкие взрывы, больше похожие на раскаты грома, гул вертолётов где-то высоко. Здесь звуки обрели плоть и направление. Далеко слева, за низким холмом, застрочил пулемёт — сухой, отрывистый, как треск рвущейся ткани. Прямо по курсу что-то тяжёлое и глухое ухнуло в землю — и через секунду до них донёсся слабый, пыльный удар по воздуху.

Тори невольно вжалась в сиденье. Её пальцы вцепились в край лавки так, что побелели суставы. Это был животный инстинкт, кричавший, что здесь она — мишень.

Вэнс, сидевший напротив, казалось, не замечал ни взрывов, ни стрельбы. Он полулежал, опершись спиной о перегородку, и с закрытыми глазами. Его лицо было спокойным, сосредоточенным.

— Лёгкий миномёт, — вдруг сказал он, не открывая глаз. Его голос звучал здесь непривычно чётко на фоне воя ветра. — Карланский, по звуку нарыва. Бьёт методично, без корректировки. Значит, по площади. Или по старой позиции.

Тори смотрела на него, не понимая. Он открыл один глаз, увидел её выражение.

— По паузе слышу между выстрелом и разрывом, капитан. И по тому, как звук рвётся. «Тык» — летит. «Бум» — прилетает. Чем короче пауза — тем ближе к тебе. А этот далеко. Километра полтора, не меньше. Учитесь слушать. Это тут полезнее стетоскопа.

Он замолчал, прислушался. И вдруг его тело напряглось — не так, как раньше, а как пружина.

— Вниз! — рывкнул он негромко, но так, что Тори инстинктивно съехала с лавки на пол.

Что-то просвистело над самым кузовом — высокий, тонкий звук, как рассекаемый воздух. Через долю секунды впереди, в двадцати метрах от колеи, земля вздыбилась коротким, ярким фонтаном грязи и дыма. Ударная волна докатилась тупым шлепком по бортам.

— Видишь? Не «тык-бум». Тишина, свист, земля вверх, — выдохнул Вэнс, медленно поднимаясь. Его лицо было спокойным, но в глазах появилась сосредоточенность. — Это — личное приглашение. Добро пожаловать на войну, капитан.

Он выпрямился, достал из кармана смятую пачку.

— Не надо, — пробормотала она. Голос звучал чужим.

— Надо, — невозмутимо сказал Вэнс, закуривая. Дым тут же вырвало из кузова ветром. — Курение успокаивает нервы. А нервы здесь — роскошь. Вы и так трясётесь, как осиновый лист. Хотя вид будет более боевой.

Его простые, почти грубые слова каким-то странным образом подействовали. Не как утешение, а как команда. "Соберись". Тори сделала глубокий вдох, пытаясь втянуть в лёгкие не только воздух, но и его спокойствие. Дрожь немного отступила.

Грузовик дёрнулся на очередной колдобине, и из-под лавки, где сидел Вэнс, выскользнул небольшой тёмный предмет. Он, поблескивая, покатился по грязному полу кузова и стукнулся о её сапог. Тори наклонилась и подняла его. В ладони лежал стёртый до гладкости металлический жетон. На одной стороне угадывались глубокие царапины, на другой — почти нечитаемый, выцветший рельеф: контур, напоминавший то ли ветку, то ли птичье перо. Не военный. Личный.

Она перевела взгляд на Вэнса. Тот, мельком взглянув на ладонь Тори, опять повернулся к горизонту и хрипло крикнул:

— Это Сайфера. Должно быть, выпал, когда вчера снаряжение перебирал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.